Ю. БАЛТРУШАЙТИС

ЛИЛИЯ И СЕРП

YMCA·PRESS

Ю. БАЛТРУШАЙТИС

ЛИЛИЯ И СЕРП

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВ

Paa livsens natvej gennem frygten.
Henrik Ibsen.

YMCA-PRESS
ПАРИЖ 1948 г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Земные Ступени, Элегии, песни, поэмы.
Изд. «Скорпион», Москва 1911 г.

Горная Тропа, Вторая книга стихов.
Изд. «Скорпион», Москва, 1912 г.

Asaru Vainikas (Венок из слез).

Aukuro Dumai (Жертвенный дым.).

Ziurkes Ikurtuves (Новоселье крыс).

Изд. Valstybine Leidykla. Kaunas 1942.

Poezija. Изд. Kun. Juras. Boston 1948.

БИОГРАФИЯ Ю. К. БАЛТРУШАЙТИСА.

Приводим автобиографию Ю. К. Балтрушайтиса, помещенную в сборнике «Литература XX века», под редакцией проф. Венгерова, изд. Т-ва «Мир», Москва, 1915 г.

«Я, Юрий Казимирович Балтрушайтис, родился 20-го апреля 1873 года, в местности Поантвардэс близ города Юрбурга, Россиенского уезда, Ковенской губ., в католической крестьянской семье. Кроме отрывочных сведений о стальном характере моей бабушки, более ничего неизвестно о моих предках. Ближайшим образом, таинственное пламя поэзии, я, вероятно, унаследовал от чуткой души моей матери, нежный образ которой нерасторжимо осеняет всю мою человеческую жизнь...

Волшебное искусство чтения и письма, при том очень рано, я постиг самоучкой дома и до десяти лет моя детская мысль должна была довольствоваться скудным содержанием нескольких старых календарей и книг, какие случайно оказались на заброшенном хуторе. Зато в бесконечно лучших условиях развивалось мое воображение. Тут были и незабвенные зимние сказки моей матери, подчас и собственное сочинение — и жуткие литовские предания о чудовищах и древних великанах и о целом племени людей с песьими сердцами и песьими головами. Как были затейливы рассказы бродяги деревенского портного-старика и небылицы часто ночевавших в нашем городе нищих! А главное, в нескольких верстах была река Неман с белевшими с весны до осени парусами прусских барж, с курганами и остатками зам-

ков, восходивших, по народному поверью, еще ко временам Меченосцев. Особенно влекло меня к этим могильным холмам и к окрестным лесам, в чьих глубоких чащах, под корнями вековых деревьев, еще видны были следы полевых канав, прудов и колодцев. Как особенно любил я бродить вдоль литовских проселочных дорог с покривившимися от времени, почерневшими от непогоды крестами, обилие которых внушало мне волнующее представление о древнем и скорбном шествии человечества к Голгофе...

Мое учение в тесном смысле слова началось лишь к середине десятого года моей жизни, когда я, на зимние месяцы, переселился к настоятелю местного прихода Кс. К. Жекевичу, под руководством которого я проходил арифметику, географию, и латынь, и благородной душе которого я был всецело обязан моей ближайшей судьбой. Сдав экзамен в народном училище, осенью 1885 года я поступил в Ковенскую гимназию. Но более чем скромных средств моих родителей с трудом хватило лишь до V класса, и, начиная с этого времени, на шестнадцатом году жизни, я был предоставлен своей собственной участи. Мое новое положение особенно затруднялось тем обстоятельством, что ученики гимназии, не имеющие возможности жить в городе у ближайших родственников, должны были в то время непременно селиться на так называемых ученических квартирах, а месячная плата здесь была неразрешимо высока в сравнении с моими доходами от частных уроков, за один из которых я, например, получал всего один рубль в месяц. Только через два года мне разрешено было переехать репетитором к местному торговцу колониальными товарами, где я, впрочем, ютился в совершенно темном чулане и заучивал наизусть стихи из Одиссеи и Энеиды под неугомонный скрип насоса, подававшего воду в соседнюю баню, и под частое и адское дребезжание машины, распиливавшей бесконечные головы сахару. Бывало и еще хуже, но мне было радостно жить и было легко бороться, и лишь

очень редко приходилось настолько падать духом, что мое занятие пастушка, которым я начал жизнь и к которому я возвращался в летнее время до конца гимназии, казалось мне потерянным раем. Духовная атмосфера, в которой протекали мои гимназические годы, была столь же не из лучших. Посещение пастора допускалось лишь с особого разрешения и всегда неохотно, чтение книг — даже из ученической библиотеки — отнюдь не поощрялось, а Русские Ведомости, Политическая экономия Иванюкова подвергались неумолимому гонению.

В августе 1893 года мне удалось перебраться в Москву для продолжения моего образования в университете, где я и кончил курс на естественном отделении физико-математического факультета. С переездом в Москву моей внутренней жизни и моей воле открылись, наконец, все возможности. Наряду с естествознанием я посещал еще лекции на историко-филологическом факультете и скоро почти исключительно занялся изучением литературы. Прежнее знание очень многих языков, исподволь усвоенных мной, — открывали мне непосредственный доступ к лучшим произведениям человеческого гения от Софокла до Ибсена, от Данте до Уайльда, от испанцев до Словацкого. Несколько позднее, существенное дополнение к моему образованию внесло мое частое и продолжительное пребывание на Западе, с которым я ознакомился в разной степени от Гаммерфеста до Сицилии и от Берлина до Чикаго. В таких рамках складывался мой внутренний опыт. Что же касается моих общественно-политических взглядов, то уже само мое происхождение из среды малых мира сего могло воспитать во мне только чувство и одно убеждение, что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую и одинаково полную для всех...

Писать я начал еще в гимназии. За университетский период я написал несколько больших циклов

стихотворений и две драмы. Но в печати я выступил впервые лишь осенью 1898 г. в «Журнале для всех» В. С. Миролюбова. Тогда же с С. А. Поляковым мы основали издательство «Скорпион», напечатав наш общий перевод драмы Ибсена «Когда мы мертвые проснемся». В ближайшие годы я был постоянным сотрудником издаваемых Скорпионом «Северных Цветов» и возникшего при том же издательстве журнала «Весы» с В. Брюсовым во главе. Позднее я выступал в газете «Русь», в журналах «Правда» и «Золотое Руно», в «Русской Мысли», и наконец, в «Русских Ведомостях», в «Северных Записках», в «Заветах» и в английском журнале «The Mask». Кроме того я принимал близкое участие в Московском Свободном театре с К. А. Марджановым во главе, как принимал ближайшее участие в основании и в художественном ведении Московского Камерного Театра.

Мне очень трудно говорить о замечательных событиях моей жизни. Конечно, всякое человеческое существование знает мгновения и роковые поворотные полосы, где, в одном узле или в одном разрешении, воочию собирается вся наша воля, воочию доказуются все наши силы, когда сама наша судьба глухо обнаруживается перед нами. Но с развитием и углублением жизни, с хитрым и медленным постижением всего ее смысла и замысла, лично я все меньше берусь отличать большое от малого, все меньше способен делить живые нити на важное и неважное. Ибо малое вчерашнего дня сплошь и рядом оказывалось началом и основой сегодняшнего, а большое по всем внешним признакам бесследно исчезало, как случайное и проходящее. И если я мог бы выделить длинный ряд исключительных часов, как незабвенную дрожь от первого чтения Евгения Онегина, Демона или страниц Эдгара По, то, строго говоря, в моей жизни я все же знаю только одно единственное замечательное событие: эту мою человеческую жизнь от колыбели до гроба, эту таинственную

ткань из мыслей и страстей, из знания, веры и надежды, где было, есть и будет слишком много боли, где было, есть и будет слишком много радости...

Не считая подготовленного к печати сборника «Лилия и Серп», мною изданы: *Земные Ступени*, К-во «Скорпион», 1911 г. Москва, и *Горная Тропа*. Вторая книга лирики, 1912 г. там же. Из переводов в стихах мною напечатаны: Байрон «Видение Страшного Суда» и «Бронзовый век», изд. Эфрона и Брокгауза. «Пер Гюнт» Г. Ибсена, Универсальная Библиотека «Польза» и «Бедный Генрих» Г. Гауптмана, там же. Прозой мной переведены: трагедии д'Аннунцио: «Мертвый Город», «Джиоконда», «Слава». Драмы Ибсена: «Фру Ингер из Эстротта», «Строитель Сольнес» и «Гедда Габлер». Произведения Кнута Гамсуна: «Голод», «Виктория», «Игра жизни», «Вечерняя заря» и «Тамара». Пьесы Гауптмана: «Праздник Примирения» и «Шлюк и Яу». А также отдельные произведения Оскара Уайльда, А. Стриндберга, Гуннара Гейберга и других.»

От себя прибавим, что впоследствии он переводил еще Серен Киркегора, Седерберга, Рабиндранат Тагора, Ола Гансона.

Им написаны статьи: «О сущности искусства и творческом долге художника», «О Коммиссаржевской» (Последний Замысел), «о Скрябине», «о Гордон Крэге» (The Mask). «У гроба Ибсена» («Весы», № 8), «о Рерихе» и «о поэте Филипченко», «Тверческий путь русской музыки», «о Верхарне» («Русское Слово» 18-го ноября 1916 г.).

Напечатано несколько рассказов в «Северных Цветах», журнале «Весы», изд. Скорпион и в газете «Раннее Утро».

Из его произведений есть переводы на болгарский язык, равно как издан сборник избранных стихотворений на итальянском языке (La scala terrestre, 1912, Baldoni. Firenze).

Книга стихов «Земные Ступени» переведена на литовский язык: (Zemes Pakopos), профессором Ионасом Валайтисом, (Изд. в Тюбингене 1947 г.).

Часто он выступал публично в Москве в Художественно-литературном Кружке, в аудитории Политехнического Музея, на концертах в Консерватории и в Большом Зале бывшого Благородного Собрания, в Религиозно-Философском Обществе.

В 1914 г., во время войны, работал в Комитете по беженским делам Литвы.

В 1918 г. был избран Председателем Всероссийского Союза писателей.

В конце 1919 г. Литва была признана независимым государством и Юрий Казимирович был назначен представителем Литвы, как полномочный Министр и Чрезвычайный Посланник в РССС.

Этот пост он занимал до 1939 г., пользуясь большим и заслуженным уважением всего дипломатического корпуса, считавшего его самым выдающимся своим членом, к мнению которого все прислушивались.

В 1931 г. он получил Представительство в Турцию, а в 1933 г. — Представительство в Персию и совмещал эти посты с Москвою. Для исполнения своих служебных обязаностей ездил три раза в Анкару и в Тегеран.

В 1939 г. в апреле он был переведен Литовским правительством в Париж с сохранением звания Министра.

С сентября 1939 г., с начала войны, сношения с Литвой затруднились и Юрий Казимирович всецело отдался литературе, работал над книгою стихов: «Лилия и Серп», задуманной им еще в 1913 г.. Он писал ее во все время своей дипломатической деятельности.

Кроме того, он писал много стихов на литовском языке.

— Я должен и хочу написать несколько книг по-литовски, — говорил он. И написал книги: «Венок

из слез», (Asaru Vainikas) в 2-х частях, «Жертвенный дым» (Aukuro Dumai) в 3-х частях и «Новоселье Крыс» (Ziurkes Ikurtuves), поэма, полная живого юмора.

Эти три книги были изданы в Литве в 1942-м году в количестве десяти тысяч экземпляров и были распроданы в два месяца.

В настоящее время они изданы в Америке, где находится большая литовская колония.

Задумал, и частью написал книгу для детей, но окончить не успел.

Еще Юрий Казимирович работал над переводом Francis Thompson, английской книги в стихах: «The Hound of Heaven», и детской книги: «Selected Poems», тогоже автора.

Война 1939 года со всеми ее лишениями ослабила здоровье Ю. Балтрушайтиса. 24-го декабря 1943 г. он заболел склерозом легких и ослаблением сердца и 3-го января 1944 года тихо скончался после 10-ти дневной болезни.

Похоронен на кладбище Монруж близ Парижа.

Марии Б.

2.

Молятся, молятся души,
Вторитъ имъ сердце въ груди —
Темныхъ изъ ночи угрюмой,
Господи, въ свѣтъ уведи!

Духомъ вражды и корысти
Зиждется трепетъ людской —
Души заблудшихъ очисти,
Разумъ незрячихъ раскрой...

День поруганья надъ нами,
Бѣдствій крови на насъ —
Пусть, какъ свѣтильникъ во храмѣ,
Чудо затеплитъ нашъ часъ!

Знаю, что, взрыхливъ глубоко
Поле, Ты сѣешь весну —
Дай не увянуть до срока
Цвѣту, налиться зерну

Вѣрую въ день воскресенья —
Боже, Ты въ мірѣ ускорь
Смертной тоски утоленье,
Ясность негаснущихъ зорь!

Ю. Балтрушайтисъ

Это суть две маслины
и два светильника, стоящие
перед Богом Земли.

Откровение
Св. Іоанна
11. 4.

Есть хмель ему на празднике мирском.

Е. Баратынский.

Nu har jag svalt
den bittra drycken som gôr vis.

Per Hallström.

en lefnads sorg, en lefnads langd.

Per Hallström.

Sunt lacrimae rerum.

Dies Rückwärtsdenken, Vorwärtsgrübeln.

N. Lenau.

Des tiefen Meers vergänglich bunter Schaum
Und zeugt der Mensch, wie Faust, ein Kind,
Ein Traum dem andern sich entspinnt;
Und schlägt ein wie Faust, den andern todt,
Ein Traum den andern nur erwischt.

Sin el cielo y sin la tierra,
Entre la tierra y el cielo.

Tirso de Molina.

Christo confixus sum cruci.

S. Paulus.

Часть книги стихов «Лилия и Серп», кончая «Селом Ильинским», была собрана самим автором и печатается в желаемом им порядке.

Следующие стихи подобраны в хронологическом порядке после его смерти.

М. Б.

ПЕСНЯ ЮРОДИВОГО.

Не быстрее ног ходули
И не трутням Божий улей!
Мы все в далях правды,
Правда здесь, в уделе нищем —
Петь бездольных побоюсь ли —
Ведь на то и гусли!

Я любил ходить на свадьбы —
Ах, еще раз побывать бы!
А бывал я и на тризне,
Но пою я лишь о жизни
И ни скудости, ни смерти,
Вы, как я, не верьте!

Знал я зной и знаю холод,
Стар вчера, а ныне молод
И за скорбь земли былую
Трижды землю я целую,
И земной былинке всюду
Я молюсь, как чуду...

Дан простор земных распутий,
Чтоб цвели века в минуте —
Воет в поле час мятели,
Чтоб звучал лишь май в свирели,
Дремлет ночь в земном просторе,
Чтоб всходили зори...

Париж, 1941 г.

МОЙ ЩИТ.

In hoc signo vinces.

Витязь Тайной Дали,
Стоек я в бою —
Древний щит из стали
Кроет грудь мою...

В поясе средины,
Выкован на нем
Строгий лик орлиный,
Дышащий огнем...

И над ним чеканно —
Мой старинный герб —
Свиты вязью странной
Лилия и Серп.

И вкруг них, вдоль края,
Как венец литой,
Тянутся, сверкая
Огненной чертой —

Ярче, чем средь мрака
Ожерелье звезд,
Три великих знака —
Молот, Посох, Крест.

29/15 июня 1912.

ALEA JACTA EST.

Вещей полночной порой,
Алчное сердце раскрой,
Книгу Времен и Мест —

Чу! Океан бытия!
Быль не пристань моя!
Трепетный парус вскинь —
В море, в смятенье! Аминь!

Вот она, древняя дверь
В царство утех, потерь —
Сирый, в вещей ночи
В дверь роковую стучи!

Перешагни порог
В дали земных дорог,
Где и впредь, как досель,
Будет цвет и мятель...

В тяжбе с собой, с людьми,
Темное сердце, прими
Миг ликованья и крест —
Alea jacta est !

31. XII. 1930
Париж

В НОЧНОМ ПУТИ.

Мне шепчет Ночь в тиши унылой,
Смущая ум, волнуя кровь —
Твое грядущее уж было,
Твой час былой цветет, как новь...

И все смятенье яви бренной
В удел людскому дню дано —
И ты живешь, одновременно,
Как корень, стебель, цвет, зерно...

И пусть лишь каплей сердце дышит,
Но миг твой равен Бытию —
Весь океан, не вал, колышит
Твою заблудшую ладью!

22. VII. 1923
Себеж

ПЕСНЯ.

Изведав тишь, познав тревогу,
Земли земную череду,
Я снова изгнан в путь-дорогу
И вновь я, в пламени, бреду...

Как крестным знаком, огневица
Коснулась моего чела.
Я знаю, день испепелится
И будет сердце, как зола...

Но как ни горек путь мой ясный,
Я донесу до первых звезд
Живой огонь тоски безгласной
Скорбь-ликованье, цветокрест!

1924 г.

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ.

Ты все ходишь, маятник железный,
То с суровой кротостью, то гневно —
Над сокрытой вековечной бездной,
Над земной былинкой однодневной...

Вот, кукушка, раскрывая дверцу,
В мир, прядущий смертный страх и веру,
Возвещает трепетному сердцу
В круге жизни, приговор и меру...

От удела скудости — к избытку,
От расцвета — в прах и снова к цвету —
Ты влечешь на пиршество и пытку
По укладу жизни и обету...

От свободы — к плачу доли пленной —
Так! Аминь цветам земли и горю —
В них я тайной благости вселенной
Песней сердца, песней Духа вторю...

28. V. 1932 г.
Париж

Всю горечь слез моих прими —
Моленье духа — и ускорь
Лазурь полудня над людьми,
Создатель ночи, Боже зорь!

1924.

Молись, в ночи, без плача о заре,
Всей нови дней и всем векам седым,
Где млечный путь сквозь сумрак взрыл свой дым
На жертвенном вселенском алтаре...

1924

Сердце, миг от вечности наследуй
В час, когда по зову бытия,
Собрались на древнюю беседу
Звездный мрак, морской прибой и я!

Москва. 1932.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ.

С молитвой Солнцу встретил я зарю,
С молитвой свету провожаю день —
По мере часа бытию горю,
По мере рока погружаюсь в тень...

В вечернем небе — золото и кровь,
В вечернем поле — тишь, зола и дым —
Но те же бездны снятся вновь и вновь
Что снились, в утро, крыльям молодым...

Чем дальше жизнь, тем кротче круг тревог,
И тень вблизи, и зыбкий свет вдали —
Благослови, душа, земной порог
И горькое изгнание земли...

ЖЕРТВЕННИК.

Весь смертный жар — от первых детских слез,
Всю мощь мою — от детских малых сил,
Я в Вечный храм в живой тоске принес,
На жертвенник суровый возложил...

Что добыл молот, что взлелеял плуг,
И что вспоила тишь садов моих —
Тревога дум и дрожь усталых рук, —
Все было в жизни пламенем на миг...

И вся борьба, завещанная мне
В игре мгновений, в долгий век труда,
Цвела лишь с тем, чтоб был мой дух в огне,
Пока пройдет земная череда.

И на костре, где сердце сожжено,
Средь пыток жертвы, понял я не раз,
Что долг огня — единое звено,
В ткань Вечности вплетающее нас.

Вот почему, прозрев в людском бреду,
Свой тайный свет, как каждый час былой,
На жертвенник суровый я кладу,
Чтоб стал мой жребий дымом и золой...

30. 7. 1914
С. Петровское

РАЗДУМЬЕ.

Ты принял крест земного ига,
Весь свет и боль его постиг,
Когда впервые к чаше мига
Устами бледными приник...

Отведав сладости короткой,
Ты сеял слезы, пролил кровь,
И сам влачил невзгоду кротко,
Чтоб бледный призрак встретить вновь...

Безумным сном о капле блага
Ты был в степях земли гоним,
Не замедлял над бездной шага,
Спускался в рудники за ним...

Тянись, спеши, с тоской и дрожью
За зыбкой искоркой во мгле,
Что смертной истиной и ложью
От века стала на земле,

И, миг познав, плетись от пира
Своей неверною тропой,
Как мудрый царь с державой мира
И прозревающий слепой...

25. 6. 1914
С. Петровское

ЧУДОМ ТЕНИ.

Чуть внятно дышит вечер поздний
И, дольний довершив предел,
Последний миг из часа розни
Отсталой искрой догорел...

И в слитной яви мир всечасный
Сошел на смертную межу,
И к звездной тайне, в Храм безгласный,
Я в думах праха восхожу.

И сердце, что в бреду боролось
И было в тлен облечено,
Вплетает ночь в свой звездный колос,
Как полновесное зерно...

И грудь, дрожавшая без крова
Средь смуты дня, — в дневном плену,
От чар ночных приемлет снова
Согласие и тишину...

Спеши ж расторгнуть чудом Тени
Всю боль и горечь дольних слез,
Кто в вещий час ночной ступени
Свой жребий к вечности вознес!

16. 6. 1911
С. Петровское

ЧАС ОБЫКНОВЕННЫЙ.

Едва колебля пламя жизни пленной
Сквозь легкий сон души,
Плывет-струится час обыкновенный,
Как дым в тиши...

Немого сердца тень не ранит...
Мысль, как пчела,
Из цвета в цвет, в былые дни, заглянет,
И вновь дремота, как была...

И с каждым мигом длится безраздельно
Облекший явь покой,
Как смутный отзвук песни колыбельной
В судьбе людской...

И греет грудь пустыми снами
Насущный свет,
Как если-б бездны не было пред нами,
Как будто тайны несказанной нет...

И дремлет ум. Ленив и своенравен
Его слепой досуг,
Как если-б был всей бездне мира равен
Наш смертный круг...

22. 6. 1914
С. Петровское

ВЕРУЮ.

Credo quia impossibite.
Grigorius VII Pille.

Знаю я в яви вселенной
Плач на рассветном пороге,
Путь человеческий в зное,
  Длящийся ложно —
Знаю, как сердце земное
Хило во сне и в тревоге,
Немощно в радости бренной,
  В скорби ничтожно...

Вижу я в смертной истоме
Годы заботы и крохи
Блага, блаженство и рядом
  Горе у двери —
Юность с седеющим взглядом,
Старость с проклятьем во вздохе,
В нищем и княжеском доме
  Те же потери...

Снится мне в жизни, однако,
Цвет человеческой доли,
Сила души беспечальной
  В мире и в споре,
Верую в жребий венчальный,
В царствие часа без боли,
В посох, ведущий из мрака
  Вечные зори...

Верую, верую, Боже,
В сумрак о звездах поющий,
Свет беззакатный сулящий
  Чудом страданья...
Верую в молот разящий,
В пламя и в меч создающий,
В жертву зиждительной дрожи,
  В мощь упованья!

17. 6. 1914
С. Петровское

В тревогах жизни, в час непрочный,
Свой жар лишь вешним снам предав,
Молись, душа, тропе восточной
И шелесту росистых трав...

Дышать тревогой переменной
Всему, что — в яви, суждено,
И все, что было — колос тленный,
Отдавший Пахарю зерно...

И Суд веков замыслил строго,
Чтоб был лишь мигом беглый миг,
Чтоб билось сердце у порога
Свершений и надежд своих...

Но Зодчий дней, в любви суровой,
Торопит каждый взмах крыла,
Чтоб мука смерти жизнью новой
И новой юностью была...

И вечно-вечно свет поющий
Венчает тьму приявших прах —
Молись, душа, заре грядущей,
Забрезжившей в твоих слезах...

10. 6. 1914
Петровское

РАЗДУМИЕ.

Все строже мыслю я, вникая
В бег дней с их гордой суетой,
Не праздный колос мысль людская,
Людские сны не цвет пустой!

Скорбя у грани заповедной,
Сокрывшей неземной пожар,
Хлопочет смертный не бесследно,
И прав Сизиф, и прав Икар!

За рабство, слезы и истому
Час воздаянья брезжет нам —
Есть глубь лазури дню людскому
И звезды есть земным ночам!

23. 12. 1914

МОРЕ И КАПЛЯ.

Море и капля, как колос и цвет,
Дышат, свершая все тот же завет,
В мире прядущий зиму и зной,
Вихрь и дремоту ветки лесной...

В ткани предвечной людские дела...
Чудо — наш Кормчий, мы — взмахи весла...
В трепете вечном — трепет минут...
Благости вечной годы цветут...

Час человека подобен волне...
Знаешь ли, смертный, в ночной глубине,
Встретив молитвой звездную тишь,
Чьими устами ты говоришь?

В блеске полудня, где час полноты,
В мире Голгофы вскрывает цветы,
Знаешь ли, странник, в труде и борьбе,
Чья неземная дума в тебе?

20. 12. 1914
Москва

НАПУТСТВИЕ.

В свой темный путь иди без страха,
Подвластный часу человек —
Твое томленье не от праха,
Не от земли — твой краткий век...

В час роковой, как в миг случайный,
На всех распутьях жизни ты —
Слепой участник вечной Тайны,
Грань сокровенной полноты...

Цвет дней твоих в их пестрой славе,
Пылал иль тлел Ее огнем —
Как вечный Лик взалкавшей яви
В скудельном образе твоем...

И ты, в игре пустых мгновений,
И в поте всех твоих трудов,
Лишь ткал всевластной тайной тени
Несовлекаемый покров...

И пусть свершенье яви шумной —
Лишь плен, но вечность — грань его,
И в ней, твой разум многодумный
И смута сердца твоего...

Ее дыханием бессменным
Цветет в тебе, как сон и дрожь,
Все, что ты метишь знаком бренным
И смертным именем зовешь...

16. 7. 1914
С. Петровское

СОЛНЕЧНЫЕ КРЫЛЬЯ.

Сладко с годами смертную нить
В солнечном храме солнечно вить!

Веет сквозь звенья бренных оков
В вихре мгновенья, мудрость веков...

Падают грани в беге сквозь зной —
Светится в длани посох земной...

Ярко над ними, зыбля наш сон,
Брызжет лучами утренний звон...

Вот, в их пожаре зреют поля —
В синей тиаре дремлет земля...

Сердце воздето — древний кремень —
Мало от света разнствует тень...

Ринься с восходом в солнечный путь,
Солнечным медом пьяная грудь!

27. 12. 1912
Пушкино

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

А. Скрябину.

Пора признать! Не путь от тризны к тризне,
Где боль утрат меняет бледный страх,
Не плен в тени — великий жребий жизни,
А поздний день, светающий в веках...

В бреду страстей, в обмане их свершенья,
Людской душе, распятой в их игре,
Уже не раз потир Преображенья
Являл свой свет на звездном алтаре...

Еще велик раздор неутомимый
В земной пыли, где слышен лязг меча
И стон раба, в его неволе мнимой,
Где жажда смерти в слабом горяча...

Но миг борьбы в сердцах, до срока пленных,
И дрогнет прах, приемля звездный зов,
Предсказанный в пророчествах священных
И в трепетном наитии певцов...

Посеян день, взошла и зреет нива,
И пенится несущий вечность вал —
Не жизнь лгала, сознанье было лживо,
Не зов был слаб, а смертный слух солгал...

1. 1. 1913
Пушкино

РАЗДУМЬЕ.

Средь шума дня все чаще знаю
Дыханье горней тишины,
В чей вещий миг к земному краю
Плывут зиждительные сны...

И вместо горечи и страха —
Унылых вех стези людской,
Я различаю в смуте праха
Лишь свет отрады и покой...

И в воплях жалобы суровой,
В проклятьи брошенных во мглу,
Отсель вскрывает слух мой новый
Благословенье и хвалу...

Сквозь пестроту юдоли зримой,
В прибрежном камне и в волне,
Один чертеж нерасторжимый
Все чаще четко снится мне...

И вот, средь всех различий яви,
Что длится век, что дышит миг,
В пыли земной — в лазурной славе,
Я вижу тот же знак и лик...

И бренный свет, звезде подобный,
В любви прозренья, мысль моя
Венчает всякий жребий дробный
В едином чуде бытия!

23/10. 7. 1912

СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ. (*)

ОТРЫВОК.

I

Немного пестрых красок надо,
Чтоб занести на полотно
Ворота, двор, забор вдоль сада,
Мой домик, вытцветший давно,
Кривую длинную аллею
Из лип столетних и за нею,
Чуть видимый сквозь полумглу,
Изрытый стадом спуск к селу
И дальше — поле за дорогой,
Где пожелтел уже овес,
И над оврагом ряд берез
И купол сосен, темный, строгий,
И снова поле за рекой —
Простор безлюдья, сон, покой...

II

Еще есть церковь возле парка,
Прибежище святое, где
Поникший дух в молитве жаркой
Вновь обретает мощь в беде
И к чьей ограде здесь, как всюду,
Влачится боль, взывая к чуду,
И блудные на Божий Суд
Свое терзание несут...
Как есть и сельское кладбище,
Чей неминуемый порог
Приемлет бремя всех дорог,
Открыв последнее жилище,
Где молкнет смех средь мшистых плит
И горе беспробудно спит...

---

*) *Калужской губ.*

III

Таков убогий мир, в котором
Живу, сквозь призрачный покров
Стараясь вникнуть в часе скором
В недвижный замысел веков...
Но дав мне в жизни мир мой малый,
Не боль изгнанья и опалы
Вложил Создатель в грудь мою,
А славословье бытию —
Коль славен русский жребий трудный,
Мох ветхих крыш, гнилой плетень,
Дым нищих сел, где дремлет тень —
И да святится колос скудный
В полях объятых тишиной,
Как нежный лик страны родной...

IУ

Она теперь в глубоких ранах
И вся в запекшейся крови,
Но зреет в северных туманах
Срок искупительной любви
И в темную обитель дрожи
Войдет, как пламя, Отрок Божий,
И будет ярко горяча
В руках невольничьих свеча —
И в щедрый дар за крест суровый,
Где было бремя всех забот,
Наш древний посох расцветет
И дивный трепет жизни новой
Молитвенно, в победный час,
Как чудо солнца, вспыхнет в нас...

9. 8. 1915
Село Ильинское

РАЗДУМЬЕ.

Своеволен в вечной смене жребий дня,
Сочетавший тайну тени и огня...

Дышит миг, тужит, как может, весь в цвету,
Весь — дробленье, реет, множит пестроту.

Но в рассветных безднах Бога коротка
Беззащитная дорога мотылька!

И в рассветном море цвета бирюзы
Безмятежно утро лета до грозы...

Длится час, струит, торопит водомет,
Сеет, строит, жнет и копит воск и мед.

Но Строитель дней исчислил не на век,
Что содеял, что замыслил человек...

Вот и молкнут, рвутся струны в тишине,
И все ближе трепет юный к седине.

Вот и зыбок свет, раздвоен, мысль слепа,
И непрочный стебель строен до серпа...

2. 7. 1912

ВЕХИ.

Будто ломкий стебель в поле,
Что желтеет в краткий срок,
Шатки вехи смертной доли
В сокровенности дорог...

Весь объят тревогой худшей
Дух, познавший тайну дней —
И беспечен ум заблудший
Средь блуждающих огней!

Ищут бури мир и нега.
Стонет вихрь о благах сна,
Точно скрыты два побега
В темном жребии зерна.

Час заката, час рожденья
Тесно слит в волне времен —
В каждом миге утоленья
Миг алканий заключен...

Снятся кормчим в час недоли
В море нивы, их роса,
Где, в бреду иной неволи,
Светят сердцу паруса!

18. 7. 1912

COME LE ONDE.

Цветет восторг, как вал. Как вал.
Уходит прочь..
И все, что к звону день призвал,
Заглохнет в ночь...

Приходит боль, как снег. Как снег,
Растает вновь...
Недолго дней весенних бег
Объемлет кровь...

И свет и цвет — на миг. На миг —
Игра всех смен...
И все, что смертный пыл воздвиг -
Зола и тлен...

Вся явь, вся дрожь — волна. Волна
Весь труд людской..
И жнет земные семена
Покой, покой!

11. 12. 1912
· Москва .

ВИДЕНИЕ ПОЛУДНЯ.

Была пора борьбы и крови,
Час отягченных зноем век,
Когда слепой игрою нови
Был глухо движим смертный бег...

Текли мгновенья ровным звоном,
И были мерой дум дела,
И в сердце, жаждой напряженном,
Лишь дрожь свершения цвела...

И ноше, принятой на плечи,
Усилью сжавших молот рук,
Равнялась твердость краткой речи,
Сталь мышц, натянутых, как лук.

И знак венчального удара
Был дан — судьба была дана!
И лишь предчувствием пожара
Пылала глубь людского сна...

Как влага в кубке, близясь к краю,
Кипел и рос полдневный пир,
И как железный груз на сваю,
Сверкнув, он пал на старый мир!

14. XII. 1912
Москва.

Элегия.

Случайны сны и пыл ума...
Обманчив миг и подвиг лет...
Не знает день, что будет тьма, —
Не верит ночь, что будет свет!

Сверканье искры, блеск в огне,
Готовит пепел под костром,
И звон подвластен тишине —
И тишину взрывает гром..

И пыльный дол, и выси гор,
И час весны, и час седой
Сплетаются в один узор
Непостижимой чередой.

И цвет и тлен — в одном кругу...
По мертвым веткам вьется хмель —
На том суровом берегу,
Где рядом — гроб и колыбель!

15. XII. 1912
Москва.

ПОЛНОЧНЫЙ ПАРУС.

В полночный час, в моем уме холодном,
От бега лет покорном и бесстрашном,
Чуть дышит явь в броженьи первородном,
Вплести в свой вихрь мой темный дух невластный.

В полночный час, в моей груди звериной,
В проклятии желанья ненасытной,
Дробятся сны, как пламя сказки длинной,
Средь вихрей праха горько беззащитной.

И в ровной мгле, все глуше мир неясный
Струит свои невидимые волны,
Рождая отзвук, смутный, но согласный,
В моей душе, немого плача полной.

И бьется сердце, маятник железный,
Творящий волю двух различных граней,
В дыму земли сияньем тайны звездной,
В покое знанья трепетом гаданий...

И в смутном вихре яви первородной —
Двойным огнем томится дух мой пленный,
И должен разум, сетуя бесплодно,
И жизнь и смерть сознать одновременно!

25. XII. 1912
Москва.

ЛЕСНОЙ ВОДОПАД.

Пробил час зеркальной глади,
И беспечный сон речной
Заметался в водопаде,
Став дрожащею волной!

Вместо легкой, светлой зыби,
Что, качая день, текла,
Хлынул вал, от глыби к глыбе,
В глубь гранитного жерла...

Дрогнул строй прибрежных елей —
Рвутся, делятся стволы
В вихре снежных ожерелий,
В дымных взрывах белой мглы.

И разбился на иголки
Отблеск солнца в небесах
Дробным блеском, искрой колкой,
Озаряя шумный прах.

Только грохот и тревога,
Всей поверженной волны —
Что же так хрупка у Бога
Чаша сна и тишины!

27. XII. 1912
Пушкино.

НА БЕРЕГУ.

Средь пенья волн, в часы их зова,
Горька прибрежная роса,
И от тщеты труда земного
Уносят сердце паруса...

В час бренных дум и боли праздной,
Моих испытанных подруг,
От их игры однообразной
Нагорный звон влечет мой слух...

Нежданный миг иль вихрь случайный
Приблизит сердце к забытью,
В простор своей суровой тайны
Уводят звезды мысль мою.

К кресту земли, во львиной яме,
Мой дух тоскующий, ты весь
Прикован древними цепями,
Но в вечной жажде ты — не здесь!

2. 1. 1913
Пушкино.

ЗИМНЕЕ РАЗДУМИЕ.

Сквозь тишь зимы трудна дорога к маю,
К лесной свирели, к пению садов, —
Но я мятель любовно принимаю,
Как дали льдов...

Ниспавшей капле долго ждать возврата
В полдневный пояс радужных полос —
Но тверд мой дух, пусть глухо грудь объята
Приливом слез...

Пред бездной мира разум безоружен
И ткани дум в сознаньи нет —
Лишь знаю я, что праздный колос нужен,
Как нужен цвет...

Не скоро взмах отвечного огнива
Сольет творенья в пламени одном —
Но в вихре яви, сердце искрой живо
И кратким сном...

В игре теней не скоро в смертной доле
Искупит солнце алчущих в бреду —
Но я горжусь венцом суровой боли
И чуда жду...

28. I. 1913
Москва.

Миг торопит, час неволит,
День заходит — кубок пролит!
Чуда крови сердце молит.

Хлынул — сгинул трепет вала...
Снова, снова, как бывало,
Грудь от радости отстала...

Блеск был ярок, звон был ясен!
Вечерея, час безгласен...
Вечер тенью опоясан.

По суровому завету,
Как ни ратуй, как ни сетуй,
Бродит серп от цвета к цвету.

Точит силу червь бессилья,
От сиянья, от обилья
В сумрак, в сумрак реют крылья!

26. 4. 1913
Сельцо Петровское

ЭЛЕГИЯ.

Уводит душу час в тени
Назад, назад, —
Туда, где ярки были дни
И цвел мой сад...

Пестро менялись звон и цвет
В моих лугах,
И дрогнул в сердце с бегом лет
Бессильный страх.

И вот железный крест готов
Давно, давно —
И плачет сердце средь цветов,
Одно, одно.

17. IX. 1913

ПРОЛОГ К ПАНТОМИМЕ А. ШНИТЦЛЕРА «ПОКРЫВАЛО ПЬЕРЕТТЫ».

Образы :

Сивилла,
Пьеро,
Пьеретта.

Звездная полночь. Ни явного движения, ни различимого цвета, ни внятного звука. Мир безмолвия, круг томления. Пространство воспринимается, как лунное видение пустынных, откинутых в беспредельность холмов.

СИВИЛЛА *(одна, у смутно очерченного жертвенника, с сумрачным волнением читает древние страницы).*

Великое смятенье и покой,
И детский смех и детский плач с тоской,
Суровый жребий сплел в душе людской.
(Короткое молчание).

Долг радости и скорби лишь на миг
Едва вскрывает глубь сердец людских,
Земля и небо горько слиты в них!
(Немного помолчав, с возрастающим волнением).

Жар смертных дум — как бренный майский цвет,
И суетно деянье дней и лет,
И в смертных снах величья жизни нет.
(Короткое молчание).

---

*) Был поставлен на сцене Камерного Театра в Москве в 1913 г.

И вешний луг и снова зимний снег,
Двух вечных волн нерасторжимый бег, —
Вот все, что видит в мире человек.

(Судорожно воздев руки, вся вырастая, со взглядом, обращенным как бы внутрь).

Опять, опять, мой вещий дух объемлет
Всю тайную безмерность бытия,
Мир сна, мир яви, прах судеб былых,
И светлый звон мгновений настающих
И скрытый трепет будущих веков...

(Во время последних слов СИВИЛЛЫ, точно вызванные напряжением ея воли, как образы ее пророческого видения, скользящей поступью лунатиков, появляются ПЬЕРО и ПЬЕРЕТТА. Погруженная в свое тайное созерцание, СИВИЛЛА не замечает их).

И скорбно я вникаю в жизнь людскую,
В дыхание тоскующих сердец,
Где больно-больно бьется бред нестройный
Гонимых страхом странников земли...
И вижу я...

(Тяжело дыша, она закрывает руками лицо. Молчание).

ПЬЕРО *(делая невольный и робкий шаг к ней)*
И что же видишь ты?

СИВИЛЛА *(открыв лицо и как бы впервые замечая пришедших, с суровой дрожью и сумрачным холодом в голосе.)*

И вижу я все тот же круг глухой,
Где, темные рабы самих себя,
Враждуют люди в рабстве друг у друга,

Творя, всегда по жребию, их зло
Невольное, невольное добро...
И вижу я в одном кругу железном
Людского дня корыстную тревогу,
Власть праздности над горестным трудом,
Крикливость лжи пред истиной безмолвной,
И вечно те же в тесных гранях праха —
Рождение, рождение и смерть!

ПЬЕРО:
Тогда открой мне, мудрая Сивилла —

СИВИЛЛА:
Нет, нет, молчи, — мне ведом твой вопрос!
Измученный гаданьем мысли детской,
Ты хочешь знать, что в мире ждет тебя —

ПЬЕРО (*настойчиво*):
Открой! Скажи —

ПЬЕРЕТТА:
Открой и мне мой жребий!

СИВИЛЛА (*обращаясь к Пьеро, строго*):
Достаточно-ль ты силен, чтоб взглянуть
На лик Судьбы? — Нет, нет, дитя, опомнись!
Своей земной дороги человек
Не *может* знать, не *должен* знать, и в этом
Проклятие и счастие его.
Иначе он убьет, не дав раскрыться,
Волшебный цвет мгновенья и нарушит
Всю свежесть слез и радостей своих.
Будь слеп, как был! Не спрашивай.

ПЬЕРО *(с гордой твердостью):*

Я силен!

ПЬЕРЕТТА *(колеблется):*

И я сильна!

СИВИЛЛА:

Да будет так. Аминь.

(Обращаясь к Пьеро):

Но то, что ты из уст моих узнаешь,
Пусть вновь в тебе, как темный призрак сна,
Развеется пред явью жизни шумной,
Где сиротливо должен ты дышать...

(Пьеретте):

И то, что я душе твоей открою,
Пусть вновь пройдет, как тягостная явь,
Когда сном жизни в мире ты задремлешь...

(Судорожно воздев руки, вся вырастая, с глубоким волнением жалости в голосе):

Узнайте же! Назначен час суровый !

(Пьеретте):

Рукой любви, в знак вечного союза,

(взглянув на Пьеро):

К устам того, кто молится тебе,
Ты принесешь тяжелый кубок Смерти,
Но тайну смерти встретит он один,
Как жил один —

ПЬЕРЕТТА *(вся дрожа, потянувшись к Сивилле)*:

О, Боже! Мой Пьеро!

СИВИЛЛА:

И вот одна, вне подвига живого,
Без правды в сердце, в мире без приюта,
Объятая безумьем сироты,
Как малая, беспомощная искра,
Что темный вихрь от пламени отторг,
Умрешь и ты —

ПЬЕРО *(бледный, закрыв руками лицо)*:

Несчастная Пьеретта!

СИВИЛЛА:

Аминь! Влачите жребий человека,
Где царствуют, сплетаясь неразрывно,
Рождение, рождение и смерть,
Безмолвие, безмолвие и тайна!

(Пьеро, низко склоняя голову):

Я кланяюсь твоей бессмертной боли!

(Пьеретте, скорбно поникая):

Я кланяюсь страданью твоему!

ПЬЕРО *(медля)*:

Не лжет ли твой безжалостный язык?

СИВИЛЛА *(сурово):*

Я знаю вас, слепые люди, вы
Приемлете лишь радостную правду —
Но сказано — назначен час Судьбы...

(протягивая руки)

Моей рукою, дрогнувшей впервые,
Я вас на смерть тоскующе венчаю,
Два бедных сердца пытке предаю!

(Любовно касаясь головы Пьеретты)

Иди в свой сон, в свой краткий, трудный бред,
И эту явь, не лживую, ты вспомнишь,
Узнав, что знают спящие в гробу!

(Возлагая руки на бледное, поникшее чело Пьеро)

Иди же в явь, на сумрачную плаху,
И этот сон ты должен скрыть в груди,
Как смутное предчувствие, с которым
Ты, избранный, устало поплетешься
Тернистою тропою дней твоих!

(Пьеро и Пьеретта медленно уходят).

ПЬЕРО *(останавливаясь и поворачиваясь к СИВИЛЛЕ).*

Скажи, коль можешь, Зодчему миров,
Что, как творец, я жаждал встретить солнце,
А ты велишь плестись, как раб... во тьму...

(уходит).

СИВИЛЛА *(некоторое время смотрит им вслед)*

Себя творцом иль тварью назови,
Равно земля зажгла в твоей крови
Глухое пламя смерти и любви.

(Молчание. ***СИВИЛЛА****, одна, снова приникает к жертвеннику и с сумрачным волнением читает древние скрижали).*

И смех, и плач, мятель и ясный зной,
Рассветный звон с вечерней тишиной,
Небесный Зодчий слил в судьбе земной!

(Короткое молчание).

Безвестный путь, неведомый ночлег,
Часов и дней неудержимый бег, —
Вот все, что знает в мире человек!

Ноябрь 1913.
Москва.

РАЗДУМЬЕ.

Кто мерой мига сердце мерит,
И тайный жребий смертных дней,
Тот горько слеп, тот в жизнь не верит,
Тот в ней — как тень в игре теней!..

И всех зовущих сон забвенья,
Пред строгим подвигом веков,
Объяв людей, лишь множит звенья
Их дух унизивших оков.

Кто в цвете часа дом свой строил,
В величьи мира будет мал,
Зане он жизни не утроил
И бытия не оправдал...

Пусть ярок трепет искры зримой,
Но он лишь миг владеет тьмой,
Где человек — как сев озимый,
До утра майского немой!

И пусть свята молитва слова
В устах восставшего раба,
Но строят высь пути людского
Лишь тяжкий молот и борьба!

21. 12. 1913
Москва

Предвижу разумом крушенье
Всех снов — солгавший мир в пыли!
И вновь предчувствую свершенье
Всех тайных чаяний земли...

Пусть смешан пепел с каждым жаром,
Пусть тлен венчает каждый цвет,
Но миг минувший цвел недаром,
Недаром в пламя был одет.

Весь подвиг дней в борьбе упорной
Как след случайный на песке,
Но бьется сердце плодотворно
В слепом алканьи и тоске...

Влача свой крест, в пути к утрате,
Где каждый сетует, сам-друг,
Всем даром терний и распятий
Преобразится смертный дух.

И зыбкой искре, слитой с тенью, —
Глухому воплю и слезе
Дано быть каменной ступенью
В людской светающей стезе!

31. 12. 1913
11 ч. 55 веч.
Болшево

НОЧНОЙ ПИЛИГРИМ.

Весь преданный жару тоски ненасытной,
Плетусь я по звездам, ночной пилигрим,
Приемля их холод душой беззащитной,
Взывая к их пламени сердцем нагим.

Мерцает их слава, то кротче, то строже,
Великая полночь их сменой полна,
Но сердце, как тайна, все то же, все то же,
И боль кочевая все также одна.

Лишь вижу: напрасна молитва в пустыне,
Что с бледною дрожью слагают уста,
И горек мой посох — доныне, отныне —
Где выкован череп под знаком креста!

Лишь знаю, что в мире — две разных ступени:
Средь высей зацветший покой
И в дольней дороге от тени до тени —
Заблудший в смятении разум людской!

1. 1. 1914
Болшево

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ.

Скользнул закат по высям отдаленным,
И вновь шепчу я сердцу моему:
Познав весь свет, равно неутоленным,
Падешь во тьму...

На всех стеблях, чья стройность длится хрупко,
Зажжется свет, затмится и пройдет...
И лишь полынь — на дне живого кубка,
Где будто был налитый на пир мед...

В миг пламени веков седая Пряха
Роняет прах, и меркнет вдруг игра,
И каждый раз, для холода и страха
Влачусь я от костра...

Смыкает день стоогненные сроки
В полях земли — лишь в небе облака
Цветут, горят... Но искры их далеки!
И дрожь близка...

6. 5. 1914
Москва

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ.

Полдневный лен и розы отцвели...
В последний раз, чуть зыбля свет в пыли,
День шелестом касается земли...

И где свивалась ткань земного сна
Из зыбкого цветного волокна,
Немая даль немых теней полна...

И где пылал о разном миг и миг,
Весь призрак яви, как единый лик
У звездного порога вдруг возник...

Мир пестроты, свершившей свой завет,
Облекся в прах без знаков и примет
И на земле у сердца крова нет...

В твой звездный храм приотворилась дверь,
И ты, душа, раскрытая теперь,
Всю нищету отдельности измерь!

6. 6. 1914
С. Петровское

Как срок дан искре, срок — волне,
Так сердце мечется во мне...

Вот, алчное, в твоей тени
Зажглись нежданные огни!

Их трепет праздный, но живой
Своим забвением удвой...

Твой жребий вплел в их знойный миг
Пыланье всех надежд твоих...

Умей беречь, умей продлить
Из молний сотканную нить...

Их цвет пустой возьми в свой путь,
Скитанью преданная грудь, —

Их цвет, что цвел лишь раз вблизи,
Сквозь слезы в далях отрази, —

И всю их пламенную ложь,
Тоскуя, в памяти умножь!

8. 6. 1914
С. Петровское

НАПУТСТВИЕ.

В глухом кругу пустынных дней,
Будь тверд, будь скор,
Ведь много трудных ступеней
К вершинам гор...

В забвенных вихрях полноты
Замедли шаг,
У их смолкающей черты
Ты будешь наг...

И, исчерпав их хмель и шум,
В закатный миг
Ты не узнаешь гордых дум,
Ни снов своих...

И пусть прекрасен вешний луг
Росой цветов,
Их стройность древний грузный плуг
Измять готов...

И вдруг поникнет смертный сев,
Что цвел, как кровь,
И ты, светло на мир прозрев,
Ослепнешь вновь...

Где было пламя, тень падет
Вблизи, вдали,
И горько в грудь твою войдет
Вся скорбь земли.

11. 6. 1914
С. Петровское

В МОЕЙ СУДЬБЕ.

В моей судьбе все царство праха было...
В моей судьбе
Так часто сердце падало и стыло,
И знало вновъ миг пламени в себе.

В рассветный час мне дан был кубок дрожи...
В рассветный час
Я принял посох смертных бездорожий,
Где пыль и зной равно встречают нас...

И в полдень мой — я с солнцем пламенею,
И в полдень мой
В полях земли упорствую и сею
С надеждою и верою немой.

А ввечеру я встречу тень в покое...
А ввечеру
Я в звездный храм свершение людское
Как жатву праха, кротко соберу!

15. 6. 1914
С. Петровское

ОГНЕННЫЙ НЕВОД.

Учись у пламени живого,
Как в час ущерба вспыхнуть снова
И в гранях полноты заметь,
Как в пепле часа должно тлеть...

Чтоб было время снова ало,
Исполни жребий искры малой,
И, пав на трут, обманешь тень
И будешь весь — как красный день...

И в сонных гранях тьмы полночной,
Когда приспеет час урочный,
Змеись к дубраве в тишине,
И встанет дерево в огне...

А там, с шипеньем, в беге метком,
Струясь, звеня, по сучьям, веткам,
Сжигая боль твоих оков,
Ты расцветешь до облаков...

И дрогнув вдруг, над сном и тенью,
В просторе, преданном смятенью,
Земле поведает набат,
Как ты прекрасен и богат!

23. 6. 1914
С. Петровское

РАЗДУМЬЕ.

Жар снов людских — как маков цвет,
Вес дел — горчичное зерно,
И быть их часу в славе лет
Не суждено.

Плывет сквозь бред в земном плену
Рассветно-стройный звон веков, —
Но сердцу, преданному сну,
Чуть слышен зов.

Где вечный жребий завещал
Упорству плуга шелест нив —
Хоть длинен стебель, колос мал,
И жнец ленив...

Где гнет пыланье мести взрыл,
Рука восставшая слаба,
И свет лишь сказкой мига был
В груди раба...

Просторен парус, ветер тих —
И у руля — всечасный страх,
И водит душу смертный миг
Из праха в прах...

2. 7. 1914
С. Петровское

ХВАЛА РАБАМ.

В борьбе веков велик ваш долг суровый,
Влачащие ярмо земли сердца,
Бездольные избранники Христовы,
В цепях труда — сподвижники Творца!

Невольник нивы, древний Божий воин,
Чей каждый миг — лишь дрожь и дрожь в пыли.
Ты средь людей один венца достоин,
Что вырыл плугом солнце из земли.

Раб молота, кующий месть в кинжале,
Как в славе часа жребий твой ни мал,
Свое упорство слив с упорством стали,
Ты строил век и мудрость дня ковал...

И ты, пастух, что меришь в жизни сроки
Безлюдием звериного пути,
Благословен твой жребий одинокий,
Твой Посох будет в вечности цвести!

И пусть ваш долг в кругу неволи цепкой
И сир, и строг, как ваша скорбь строга,
Но на земле лишь вами время крепко,
Из ваших слез возникнут жемчуга.

Свершится мера трепета и бега,
И вы, изведав тень земной зари,
Войдете в свет на брачный пир Ночлега —
Поденщики, жнецы и косари!

8. 7. 1914
С. Петровское

Средь яви пепла и огня
У сердца смертного — две доли,
Как есть и цвет, и жатва в поле,
Как две зари — у дня...

Светает тишь, редеет тень,
Взрывая звон и гул нестройный,
Объемлет землю полдень знойный —
Вот первая ступень!

И вновь у дымной грани сна
Уходит пламя, догорая
В безмолвных далях — вот, вторая
Всевластная волна!

Так будет утро вновь и так,
На смену солнцу, многократно
Прольется дым горы закатной
И новый звездный мрак.

Так вновь придется грудь открыть
Тому же миру и тревоге,
В чей вечный круг, в чей трепет строгий
Вплетен и час не быть...

13. 7. 1914
С. Петровское.

МЕЖОЙ ЗЕМЛИ.

Вскрывались дни, часы цвели —
И брел я, в поте и в пыли,
На зов Отца, межой земли...

И был я в смертных думах смел...
И труд пути, святой удел,
Не раз в любви преодолел...

И строя миг по мере сил,
Я лишь упорным словом жил,
О всходах вечности тужил...

И сердцем, вверенным весне,
У летней грани я втройне
Горю молитвой о зерне...

Я цвел с Творцом в Его цвету,
И знаю: в Божью полноту
Свой смертный колос я вплету.

Декабрь 1914
Москва.

МОЛОТ.

Падает с лязгом молот стальной
В смертной, упорной руке,
Грузно взрывая мерной волной
Гул вдалеке...

Строя, чеканя темный свой сплав
В горестной малости сил,
Слепо ковал он, слепо создав,
Зданье дробил...

И, содрогаясь в трудных лучах,
Тратя во тьме ли свой жар,
Знал ли, что Богу каждый был взмах,
Каждый удар?

В мире взрывая искры сквозь тень,
С грохотом молот стальной
Грузно готовит часу ступень
В храм неземной...

Дробность во прахе замкнутых руд,
(Смертное сердце заметь!)
Должен средь смуты времен его труд
Преодолеть...

Должен он славу дня Твоего
Трепетом сирым обнять,
Боже! Но вечность — бремя его,
Миг — рукоять!

22. 6. 1915
Куяльницкий Лиман.

Час изменил — цветы солгали,
Звон пламени заглох в дыму...
Но сердце не стезей печали
Влачится, онемев, во тьму...

Забвенный миг и срок тревоги,
Столь часто острой, как игла —
Два знака у земной дороги,
Два в высь подъемлющих крыла...

Но как ни сладок праздник тощий,
Раскрывший весь свой цвет мечты,
Лишь в пытке — мера смертной мощи
И в ней — даянье полноты.

И в мире вижу я все чаще,
Что, гордо строя беглый час,
Слаб дух над благом дня дрожащий
И скорбь стократ достойней нас.

И я в людском порыве к раю,
Тоске утраты грудь учу —
Безбольный жребий отвергаю,
Венца без терний не хочу!

24. 6. 1915
Куяльницкий Лиман.

ВИДЕНИЕ ВЕЧЕРА.

Зыбля дым свой серый
В поле, в тайный срок,
В пламенные ризы,
Вечер даль облек...

В час их кроткой славы,
Искрясь, в высь простер
Огненные главы
Огненный собор...

Во врата святые
Шествуют толпой,
Митры золотые
К службе мировой...

И в святыне горней
Светится потир —
И поник соборне
Вещий звездный клир...

И воскресла в Боге,
Лаской звезд дыша,
На земном пороге
Смертная душа...

Пламя разрешило
Плен ее в пыли —
Вскинуло кадило
К небу дым земли!

26. 6. 1915
Куяльницкий Лиман.

Лишь тот средь звезд венчает землю
Кто, встретив сумрак и зарю,
Бесстрашно молится: Приемлю!
В смирении твердит: Горю!

В одной и той же тайной воле,
Раскрывшей свой вселенский сад,
Возник и стройный стебель в поле,
И век его пресекший град...

Людскому сердцу дан на благо
В тиши и в бурях, трепет дней,
Но где оно пред пыткой наго,
Там смертная стезя верней...

Вот, льются солнечные волны, —
Баюкая забвенно нас,
И каждый миг — как кубок полный...
Благословен цветущий час!

А вот, меняя безмятежность,
Срок дрожи тень свою принес —
Благословенна неизбежность
Борьбы упорной, трудных слез!

30. 6. 1915
Куяльницкий Лиман.

БЕЗ КРОВА.

Ал. П. Кунгурову.

Темен и горек жребий ущелья...
Утро и полдень, и вечер — как келья...
        Замкнуты думы и сны...
Медленно, в гранях тени и тени,
Мерят без срока все те же ступени
        Час тишины...

В круге железном дрожи повторной
Трудно без дали влачиться упорно
С сердцем, объятым пыланьем глухим,
С ищущим бури сердцем моим!

Мечутся волны в ярости спора...
Вот он, пылающий жребий простора —
        Свист, клокотанье и вой!
Солнце и звезды бездна колышет,
Взроется, падает, трепетно дышит
        Мощью живой...

Льются без граней сумрак и зори —
Боже! Мне трудно в раскрывшемся море,
В беге по безднам довериться им
Алчущим мира сердцем моим!

4. 1. 1916
Болшево.

Стучись, упорствуя, кирка,
В глухую грудь земли, пока
Не зацветут тебе века...

Пусть горек, сир и мал твой труд,
Но есть у грани тайных руд
Рубин живой и изумруд...

Но, роя прах, дробя пласты,
Не сетуй с болью, что не ты
Войдешь в сверканье полноты...

И ты лишь знай, лишь кротко верь,
Что в мире плача и потерь,
Твой трудный трепет — только дверь...

Твой древний звон — твой жребий, весь,
А сбудется средь звезд, не днесь,
Что ты упорно строишь здесь...

22. 8. 1916
Москва.

В тюрьме, где были низки своды
И каждый стебель цвел в тени,
Я ткал из бренной жажды годы,
Прял из пустых забвений дни...

И в трепете о звездном свете
Лишь в искрах мира сны любя,
Я, как слепой паук, в их сети
Безрадостно ловил себя...

И там, где сон скудел и даже
Был мертв в плену зацветший миг,
Я, узник, сам стоял на страже
Скрепленных мной оков моих...

И точно камень, время было,
И мерной тенью дни текли
В неволи прихоти постылой
На замкнутой меже земли...

И жил я в прахе у порога
Творца, тщетой слепых минут.
Как будто свет и бездна Бога,
Не сердцу смертному цветут.

24. 8. 1916
Москва.

Не называй далекой бездной
В тоске твоих насущных снов,
Неизмеримость ночи звездной
И темный вой морских валов...

Ведь все пыланье яви мира,
Час всхода, стебель, цвет, зерно,
Как бы ни билось сердце сиро,
С ним первозданно сплетено...

И слиты в круг нерасторжимый
Различья, грани и межи,
И ты пред всей их далью мнимой
В дороге праха не дрожи.

От краткой песни колыбельной
До гроба тайной бытия,
Цветет векам твой миг отдельный,
Их глубь великая — твоя!

И в час смятенья, и в покое,
Звезде средь звезд творит твой дух
Одно свершенье мировое —
Хоть ты лишь слеп, хоть ты лишь глух!

29. 8. 1916
Москва.

Виконтесе Эми Чильстон
и
Лорду Чильстон

Вновь — час дороги в далях праха...
Вновь — неразгаданная дверь...
Но на пороге ты без страха,
Господней Тайне дух свой вверь!

И за бесстрашие и веру,
Сквозь боль и слезы снищешь ты
Всю глубь и всю земную меру
Живой вселенской полноты.

Иди же в путь с тоской и жаром,
И в нем ты примешь, как зерно,
Все, что ты сеял в поле старом,
Что было сердцем решено...

Пусть в далях смертных бездорожий,
Безвестность часа ждет сердца —
В земном скитаньи — Посох Божий,
В земной тревоге — мысль Творца!

И Кто пошлет нам миг суровый,
Пошлет и силы превозмочь...
Молись, да всходит жребий новый —
Цвет утра, полдень, вечер, ночь!

31. 12. 1916
Москва.

КУЗНЕЦ.

Кузнец упорный, что куешь?
— Затвор на склеп, где тлеет ложь.
Глухую цепь, стальной засов,
На рабство дел и рабство снов.
Несокрушимо - крепкий щит
От слез, насилья и обид!

— Отныне взрыл мой звонкий труд
В земле безмерность Божьих руд,
И юной мощью рук моих
Я должен выковать из них,
Как мне назначил мой Творец,
Державу, скипетр и венец.

Уже красна в моем огне
Вся сталь, что Зодчий вверил мне,
Но, груз полос моих дробя,
Я впредь венчаю сам себя,
И с гордым трепетом кую
Свой миг и час, судьбу свою!

Аминь! Из пепла мир возник!
Он весь, как девственный рудник,
Открыт упорству твоему,
И пусть твой горн, служа ему,
Цветет в веках, как свет живой,
И да святится молот твой!

28. 3. 1917

КРАСНЫЙ ЗВОН.

Всем пасынкам земли родной.

СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ.

Нисходит свет Преображенья
На беглость часа и века, —
Свершилось вещее томленье,
Сбылась великая тоска!

Свободный Плуг, а не ленивый
Яремник отошедших лет —
Взрыл всю дремоту темной нивы,
И светит небу дольний цвет.

Пыланье жизни невозбранно!
Еще ступень, еще межа —
И даль Земли Обетованной
Раскроется без рубежа...

И, восходя на царство шири,
Возносит мощь свободных рук
Лик солнца в солнечном потире
В тот храм, в чьей славе — звездный круг...

Расторгла сумрак жизни тесной,
Русь, вся распятая в былом,
И в час Заутрени Воскресной
Поет вселенский свой псалом!

30. 3. 1917

ЗОДЧИМ НОВИ.

В день чуда в русском бездорожьи,
Идите, каменщики Божьи,
Поправ навек свой долгий плен,
Дробить гранит для гордых стен...

Идите, плотники Христовы,
Свершая кротко подвиг новый,
Тесать с молитвой горный дуб,
Чтоб рос в лазурь за срубом сруб.

И зданье света, скоро-скоро —
Дыханьем русского простора,
Воздвигнет свой надежный кров
На счастье всех его сынов...

Оденься, Храм, в стальные скрепы
На миг лихой, на час свирепый,
И — грань векам — в веках живи
Упорством жертвы и Любви...

Твой первый камень врыл глубоко
В родную почву заступ рока,
И первые венцы легли
Вкруг сердца Матери-Земли...

И ты красуйся величаво,
Гордясь своей земною славой,
Но в высь до звездного чела,
Вскинь неземные купола.

А ты, могучий Зодчий Бога,
Стряхни у светлого порога,
Весь прах недоли вековой,
И — да святится молот твой!

Март, 1917.

НАПЕРСНИКАМ НАСИЛЬЯ.

Пусть темная секира рубит
Жизнь, свитую Всевышнимъ нить,
Она бессмертной мысли не погубит
И духа ей не умертвить!

В бреду времен, дымясь, алея
Пред Князем Часа, вновь и вновь
Стекала кровь во прахе Колизея,
Чтоб расцвела в веках Любовь...

Таков закон несокрушимый
Во всех свершеньях бытия,
Чтоб был всегда на свете прав гонимый
И посрамлялся судия...

Погасли царства, спит в покое
Их мощь, их бренная игра,
Но светит вечно зарево ночное
От света Гуссова костра...

Гордись же, злобствуя сурово,
Палач души, своим трудом,
Но тот, кто душит мудрый лепет Слова,
Накличет молнию и гром!

10. 12. 1917

ПИСЬМО.

I

Вся явь земли живому Богу
И звездной Вечности цветет...
Час, обреченный на тревогу
И миг, что тишь забвенья пьет,
Раскрыты тайною одною...
Вскипев нежданною волною,
Восторг и боль, вражда, любовь
Поют в крови и молкнут вновь...
Восторг — на миг, и скорбь на годы!
Сиротство сердца в смене лет,
Упорный сев и чахлый цвет, —
Вот неизбывный чин природы,
Где беглый час ведет в века
Неутомимая тоска!

II

Здесь все тоскующее знанье,
Что я собрал на нивах дней,
Влачась, один, стезей изгнанья,
Средь снов, обманов и теней...
Но я приемлю жизнь без пени
И, славя трепет всех мгновений,
Их скудный дар в груди храню
И, зная слезы, верю дню...
И уповаю непреложно,
Что, как суровый час ни глух,
К пыланью зорь восходит дух,
И песня радости возможна,
Хоть мне средь всех псалмов милей
Призыв бездомных журавлей!

III

Есть в этом зове весть живая
Всему, что здесь, в слезах, в пыли,
Под ношей жизни изнывая,
Не знает торжества земли!
Вот почему, в осеннем поле
Грудь разрешается от боли
И реет дух — из мира лжи —
За неземные рубежи...
И пусть напевный плач вечерний
Прольет на трудный путь людской
Свет умиленья и покой,
Чтоб в мире праха, мире терний,
Раздумье скорбного чела
Цветами юность обвила.

IV

Но полно мудрствовать лукаво...
У жизни много светлых чаш,
Где слита вся земная слава,
И наше утро, полдень наш,
Как знойный вихрь, взрываясь, рея,
Лелеет нас, не вечерея.
Пылает время, жизнь пестра
И в звездных искрах дым костра,
Где мчит забвенье хороводы,
И миг, что шумная волна
У скал морских, не зная сна,
Поет молитвенные оды,
Как я, бездомный пилигрим,
Как я, наперсник снов людских,
Молюсь — пою у ног твоих.

1. 12. 1917.

РАЗДУМЬЕ.

Все славе мира на послугу —
Роса земли и звездный лик,
И вешний цвет, цветущий лугу,
И зимний высохший тростник...

И длятся Вечному в угоду,
В веках и днях мятель и зной,
И солнца ток по небосводу
И малой капли путь ночной.

И плач, и дрожь судьбы ненастной,
И свет, венчающий сердца,
Все в пестрой яви сопричастно
Бессмертной благости Творца.

Он грудь заблудшую приводит
Опять к порогу Своему,
И от Него на нас нисходит
Миг, возносящийся к Нему...

От снов земных до звездной дали
Цветут, как знак одной игры,
Мир озарившие вначале
Его вселенские костры...

7. 12. 1917
Москва.

СКАЗКА.

У людской дороги, в темный прах и ил,
Сеятель безмолвный тайну заронил...

И вскрываясь в яви, как светает мгла,
Острый листик к свету травка вознесла...

Вот и длились зори, дни и дни текли,
И тянулся стройно стебель от земли...

И на нем, как жертва, к солнцу был воздет,
В час лазурной шири малый, алый цвет...

Так и разрешилось в пурпуре цветка,
Все немотство праха, дольняя тоска...

И была лишь слава миру и весне —
Вот, что скрыто, братья, в маковом зерне

17. 12. 1917
Москва.

РАСПЯТОЙ РОДИНЕ.

Твой жребий — жить, служа сиротству,
Огонь и кровь — твои вожди...
Но сердце, бедствуй и немотствуй
И с верой знамения жди...

В полях, где град изранил стебли,
Лишь стон и плач — твой древний щит,
Но не в вино ли, не во хлеб ли
Твой Зодчий слезы обратит?

И чем в пути твоем бесплодней
Пронзит живую грудь твой миг,
Прими, как знак стези Господней,
Немые раны ног твоих...

И меря горечь и утрату,
Их боль даяньем назови,
И в духе Вечному соратуй,
Да претворится мир в Любви!

28. 1. 1918
Москва

ЗАПОВЕДЬ СКОРБИ.

Когда пред часом сердце наго
В кровавой смуте бытия,
Прими тревогу дня, как благо,
Вечерняя душа моя.

Пусть, в частых пытках поникая,
Сиротствует и плачет грудь,
Но служит тайне боль людская
И путь терзаний — Божий путь.

И лишь творя свой долг средь тени,
Мы жизнью возвеличим мир,
И вознесем его ступени
В ту высь, где вечен звездный пир.

И вещий трепет жизни новой
Взростит лишь тот, скорбя в пыли,
Кто возлюбил венец терновый
И все изгнание земли.

Дорога

БЕЗМОЛВИЕ.

Я в жизни верую в значенье
Молитв, сокрытых тишиной,
И в то, что мысль — прикосновенье
Скорбящих душ к душе родной...
Вот почему я так упорно
Из тесноты на мир просторный,
Где только пядь межи — мой дом,
Гляжу в раздумии немом...
И оттого в томленьи духа,
Благословляя каждый час,
Что есть, что вспыхнет, что погас,
Безмолвный жрец, я только глухо
Молюсь святыне Бытия,
Где мысль — кадильница моя...

21. 3. 1918
Москва

РАЗДУМИЕ.

Цвети, душа, пока не сжаты
Зной дней отбывшие поля, —
Пока не плачет боль утраты,
Как зов бездомный журавля...

А там, в угрюмый час ущерба,
Сквозным скелетом встанет верба
Средь пустоши без рубежа,
Где лишь протянется межа,
Шурша редеющей щетиной

И раня слух, волнуя кровь —
Средь мертвой чащи вновь и вновь
Зловещим звоном крик совиный
При бледном зареве луны
Пронзит пустынность тишины...

27. 3. 1918
Москва

ВЕШНИЕ СТРУНЫ.

Раскрылся к цвету хмурый север
И снова зимний сон далек...
То в синий лен, то в красный клевер
Свои холмы простор облек,
И грудь, дышавшая лишь болью,
Дивясь полдневному раздолью,
Его лазурь и зной, как мед,
В забвеньи детском жадно пьет...
Пусть кубок пламени и звона,
В час жизни пенится полней,
У уст, познавших горечь дней,
И час ущерба, жребий стона,
Преобразится в полноту —
Как май, как яблоня в цвету!

Апрель 1918
Москва

ПРИВЕТ ИТАЛИИ

В седых веках шумели воды Тибра —
Векам веков их пляску петь и впредь
О славе жизни, в духе беспрерывной,
Хотя и разной в пестрой яви дней...
Средь бурь, чьи вихри щедро гонит время,
Не дрогнула таинственная нить,
Связавшая в один великий жребий
Меч Цезаря и белый крест Савойский,
И средь лавин, что зиждут мир и рушат.
Не пресекалась вещая стезя
От Пестума к святым садам Ассизи...
Волшебным плугом, видно, к цвету взрыт
Весь Лациум, раз жертва не скудеет,
И оттого незыблем Капитолий,
Что мудрый зодчий клал его ступени...
И от него, по замыслу его,
В святое имя истины вселенской
Воздвиглась в мире, в глубь земли и к звездам,
Италия, как некий строгий храм,
Что строился и строится от века,
Тоскующим напевом пастуха
Среди безлюдья пущи Апулийской,
С душою Данте, думою волхва,
Кривой киркой садовника Тосканы
И царственным резцом Буонаротти,
Безбольною молитвою Франциска,
А — тоже — грузным молотом Арнальдо
И темной кровью в поле боевом...

Велик в красе дворцов своих и башен
Бессмертный Рим, но выше Рим незримый,
Тот Дух, что двигал кистью Леонардо
И тайным чудом звездного огня
Пылал в живых виденьях Галилея...
Италия, как в сердце Гарибальди,
Он дышит в воле всех твоих сынов!
И только в нем ты обретешь упорство
В своих трудах, свершеньях и надеждах
И верный щит величью твоему,
Тот щит, что был с тобой на древнем Рейне
И не изменит ныне на Пиаве...
И не его-ль, не дух ли вещий Рима,
Далекие, мы чтим благоговейно
В часы, когда, волнуя сердце, снится
Твой кипарис и серый ряд олив,
И пиния, как жертвенная чаша,
Воздетая за даром солнца к небу
И врытая глубокими корнями
В земную грудь, как вечный образ твой?!

20. 5. 1918
Москва.

Так мерил миру Зодчий звезд,
Что явь земли — лишь шаткий мост
От колыбели на погост...

И в смене дней венчает нас
Мечта на время, мысль — на час,
Вот жизни древний пересказ!

Но ты, свершая темный путь,
Влачи свой прах без пени, грудь —
Он расцветет когда-нибудь...

Пусть бремя жизни, как кремень,
Роняет скупо искры в тень,
Но, Господи, я верю в день...

И знаю... мудр порядок Твой,
Где пред неведомой тропой
Слепца напутствует слепой...

30. 5. 1918

Когда твой час в земной тени
Ночь облечет в свои огни,
Безмерность жизни оцени...

И нищим сердцем молви: Днесь,
Мир полноты открылся, весь,
Нам, мукой сна объятым здесь.

И все, что мы, как смерть, клянем,
Всегда, всегда живым огнем
Наш жребий осеняет в нем.

Вот отчего, сковав века,
Несет на вольность их тоска
И оттого нам боль сладка.

21. 12. 1920
Дорога

По праху, в смертную обитель
Нездешние следы легли,
Но смертный дух не небожитель,
И мы не странники земли...

Пусть боль и ропот, и тревога
Объемлют нас в земной глуши,
Но нет изгнания у Бога
И нет опалы у души...

Средь смуты дня и ночи звездной,
Сплетают вихри с тишиной,
Венчают нас одною бездной
И миг небес, и час земной.

21. 12. 1920

НОЧНАЯ ПЕСНЯ.

Раскинуло свой звездный невод Время
В полночный омут яслей и могил,
И дольний мир, как благостное бремя,
Безвестной чащей сердце обступил.

И не уйти всей яви дней от ловли,
Что в безднах мира длится век и век,
Взошел ли миг, погас ли век, готов ли
Стать трепетной добычей человек.

Скользит челнок вдоль смертных побережий,
Где час вспоил свой краткий цвет в пыли,
Чтоб вдруг вовлечь в таинственные мрежи
Все прихоти, все жребии земли.

22. 6. 1920

В безбрежность дня
    Один плыву,
Сквозь круг огня,
    Сквозь синеву.

В глухих волнах
    Дороги нет...
Их зыбкий прах
    Замел мой след...

Весь с мигом слит,
    Мой легкий челн
Легко скользит
    По воле волн...

Полдневный хмель
    Вне смертных уз,
Моя свирель
    В нем весь мой груз.

Еще я в даль
    Везу с собой
Мою печаль,
    И жребий мой.

Среди валов,
    Чья зыбь, как снег,
Мой верный кров
    И мой ночлег.

Простор, покой
    В моем кругу
И дым людской
    На берегу.

ТЕБЕ, НЕДУГУЮЩЕЙ.

Душа, терпение отныне!
Лишь им нагую грудь одень.
Чем в сердце боль твоя пустынней,
Тем час твой выше, как ступень...

Порог рожденья, а не пепел,
Вся боль твоих скорбей и бед
И то, чьей горечи ты не пил,
Тебе готовый лишь расцвет.

Живой огонь, не блеск заемный,
Все, все, что встретишь ты, дрожа,
И все безлюдство ночи темной —
В даль уводящая межа...

21. 11. 1922

Мне голос был средь смертной яви —
Свой Посох крепче обойми,
Ведь ты лишь гость в земной забаве.
И плачешь в мире не с людьми....

Твой путь бездомный не отсюда,
Один мужайся и бреди,
И обретешь рожденье чуда
В твоей тоскующей груди...

Сквозь свет, сквозь слезы в час мятельный,
В скитаньи мужествуй, доколь
У грани дали беспредельной
Не станет вешним цветом боль

25. 11. 1922

Есть волшебные улыбки,
Вещий взгляд безмолвных глаз —
Как немое пенье скрипки,
Уводящей в вечность час!

Есть в согласии вселенной
Стройность северной сосны —
Свет, прядущий в смуте бренной,
Сказкой — нитью, явь и сны.

Есть в земных пределах тесных
Предстающий вдруг простор —
Как полна светил небесных
Полночь северных озер.

Вот, он — взрыл перед тобою,
Сердце, пленница тоски,
Зыбля тихою волною
Ожерелья — огоньки.

Вот он — льется в мир твой зыбкий,
Грудь толкующая сны —
Зов заклятью, пенье скрипки,
Шорох северной сосны...

1923

Как часто жизнь, как пламенное жало,
Нет, как незримое копье,
Пронзает грудь, чтоб в брызгах крови алой
Изныло сердце темное мое!..

Как часто я сквозь бред существованья,
Припав к порогу Тайны наяву,
Молю, в слезах, прозрения и знанья,
Но слепо сонный, в сумраке живу!

И столь же часто, столь же всякий раз,
В слепом пути к завещанному маю,
Благословляю боль и зимний час,
И всю земную горечь принимаю!

24. 11. 1924

Полдень ранит, полночь лечит...
Полночь — полдень — чет и нечет..
Час добычи, час потери,
Все по прихоти и мере...

Было лаской, станет болью —
Взмахи крыльев — по раздолью...
В небе — солнце, тень — в груди —
Меру тени пережди!

Лист и цвет на ветке голой —
С ношей сладкой вьются пчелы..
Цвет и мед в их доле скудной
Иссякают обоюдно...

Вот уж, странник запоздалый,
В мертвой роще пусто стало —
Цвел и ты, и прах еси —
Прах с молитвою снеси!

На тайный век, на трудный путь
Мне дал Господь ночную грудь,
Но мере грез и мере сил
Не научил...
И длятся пестрой чередой
И миг весны, и час седой,
Где сирая душа должна
Тужить без сна...
Порой, как пламя — кубок мой
Объемлет песней час немой,
Но вновь шепчу я: дух, давно-ль
Ты ведал боль?
И средь цветов, в сверканьи рос
В груди, как тень, встает вопрос
Надолго-ль, сердце, входишь ты
В свет полноты?..

Аминь. Аминь! Да будет так!
Но я, встречая свет и мрак,
В слезах, колени преклоню
Во славу дню!

**В глухих степях, в ущельях темных,
Где из истомы ткутся дни,
Благослови, Творец, бездомных,
Их грудь от страха охрани...**

**В годину смуты, в бурном море,
На сонных берегах земли,
Подаждь им благостные зори
И синий полдень ниспошли!**

**Прикрой росистым цветом мая
Немые тени их чела,
Чтобы, Тебя благословляя,
Душа свой трудный путь прошла!**

1924

Слава солнцу, честь земле, —
Снам и думам на челе!
Жил я, был я на пирах,
Ведал цвет, как знаю прах...

Должно жить и нужно вить
Миг и миг, — живую нить —
На немую смену лет —
Цветопрах и прахоцвет...

Нужно быть и нужно ткать
Бремя зол и благодать,
Чтобы выткалась парча
Из теней и из луча...

Юный вздох и стон седой —
Ткутся тайной чередой,
Мрак и свет, покой и страх —
Прахоцвет и цветопрах...

11. 5. 1926

Не меркнет солнце в смертном бытии...
О, вешняя, о, новая гроза,
Как ты трудна! Как ты слепишь мои
Усталые от праха дней глаза!

Вся — пламя с дымом, дрогнула лазурь —
И нет границ, не стало берегов!
Тебя я знаю, песня древних бурь,
И, сам — огонь, в огонь иду на зов...

Я знаю жребий этих древних волн,
Что, как прибой, объемлет грудь мою,
Но грудь моя — как нищий утлый челн,
В котором я себя не узнаю...

19. 5. 1926

Грохот мига... Тишь столетий...
Вешний час, воскресший вдруг...
Сладко сердцу быть на свете!
Все же мир — как вечный луг...

Чередуются покосы...
Цвету кашки нет конца...
Не беда, что люди босы,
Что беспомощны сердца!

Не беда, что люди нищи
И что каждый часто сир —
На великом пепелище
Воскресает майский мир!

20. 11. 1927
Париж

Дышат бездной сумерки и зори,
Две отвечных тайны, ночь и день,
В том немом и благостном просторе,
Где земля — лишь малая ступень!..

Для истомной сладости-ль, для бед ли,
Ты пришло во прах земных степей,
Сердце, здесь, в пыланьи дня, помедли
И полночной горечи испей!

1928

ДАЯНИЕ ГОЛГОФЫ.

Все ярче знаки и приметы
Средь бренных снов и дел людских,
Что жизнь — псалом, векам запетый,
Где смертный миг — поющий стих...

Лишь в них мы знаем свет воскресный,
Забвенье праха, вес — тщете,
И оттого нам в часе тесно
И больно в дольней полноте...

И вся непрочность смертной силы —
Гранит для Божьих ступеней,
И самый слабый, самый хилый
Есть сеятель грядущих дней...

Пусть наше царство — лишь полоска
Межи, где трудится пчела,
Но от пустой крупицы воска
Зажжется Божия хвала...

И ты, ослепший в трудном зное,
Раб дня, гордись своим трудом,
Но знай, взрывая в прах устои,
Что высью башен крепок дом!

СВЕТ НЕОБОЗРИМЫЙ.

Огнем зари сверкают реки...
Росой зари цветут поля —
И лишь в полночном человеке
Темна дремотная земля...

Но весть об Утре лишь забыта
И сердце смертное — руда,
В чьей россыпи Любовь сокрыта,
Как неземная череда...

И ждет у каждого порога
Такой неугасимый свет,
Что и убийца ищет Бога,
Что нераскаянного нет...

И мир откликнется послушно
На зов сурового Гонца,
Ведь Петр лишъ трижды малодушно
Успел отречься от Творца...

И ты, служа вражде и мщенью
При дележе земной крохи,
Душа, готовься к воскресенью —
Поют вторые петухи!

30. 5. 1918

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЦАТУРИАНА.

Он жил средь нас, тая в груди горячей
Святое пламя песни, в чьей тоске
Нерасторжимой тканью сочетались
Земные сестры, Горе и Надежда,
Звон вечера и утренней зари...
Сын горечи, он шел со светлым сердцем,
Предчувствием врачуя боль пути,
И дух его, пекущийся о правде,
Сквозь страх за жизнь лелеял веру в жизнь.
Вот почему, у тайной грани гроба,
Как сеятель в полях земли родной,
Принес он кротко к житнице вселенской,
В дар бытию, горсть зерен полновесных.
Суровый рок вложил в его свирель
Печаль армян в недоле вековой,
И дух его возникнет вновь, как цвет,
В тот час, когда из пепла вновь воскреснет
Армения, тот жертвенник, куда
Он возложил всю любящую душу
И грустный звон напева своего.

УМЕРШЕМУ ДРУГУ.

Памяти А. Н. Скрябина.

Был колокол на башне, в храме вешнем,
Где явь земли свой жертвенник зажгла...
И он был отлит звону о нездешнем,
И пела в нем вселенская хвала...

И он пылал сердцам, как весть живая
О тайнах мира в звездном их цвету,
Своим псалмом впервые разрешая
Слепой земли глухую немоту.

Но в час, когда огонь преображенья
Коснулся праха всех земных дорог,
Не кончив чуда нашего рожденья
Для райских песен колокол заглох...

Но нет, лишь ткань из тлена онемела,
Лишь бренный цвет увял средь смертных нив!
А вещий дух, не знающий предела,
В своем твореньи вечно будет жив...

И вновь, и вновь, лишь в строе звездно-новом.
Воскреснет в людях в каждый вещий час
Пророк, что был для нас небесным звоном
И вечности ответствовал за нас.

I.

Как трудно высказать — нелживо,
Чтоб хоть себя не обмануть —
Чем наше сердце, втайне, живо,
О чем, тоскуя, плачет грудь...
Речь о мечтах и нуждах часа
В устах людей — всегда — прикраса,
И силен у души — любой —
Страх наготы перед собой, —
Страх истины нелицемерной
Иль, брат боязни, хитрый стыд,
О жалком плачущих навзрыд,
Чтоб точным словом, мерой верной,
Того случайно не раскрыть,
Чему сокрытым лучше быть....

II.

Но есть и час иной напасти,
Когда мы тщетно ищем слов,
Чтоб с тайны помыслов иль страсти
Хотя-б на миг совлечь покров, —
Чтоб грудь, ослепшая от муки,
Явила в знаке или в звуке,
Иль в скорби молчаливых слез,
Что Бог судил, что мир принес...
И, если пыткой огневою,
Весь, весь охвачен человек,
Он только холоден, как снег,
И лишь с поникшей головою,
В огне, стоит пред тайной тьмою,
Вниманью чуждый и немой.

ДУХУ ЖИВОМУ — НЫНЕ И ПРИСНО.

Есть жизнь и смерть лишъ в мнимых гранях праха.
Есть только жизнь в пылании времен...
Не для зерна зерно — для всхода и расцвета.
Равно как цвет опять цветет зерну,
Чтоб Тайна мира вечно колосилась,
И, строясь к Солнцу, были беспрерывны
Ступени праха Богу своему
Кто мыслит так, кто верит так, тот знает
Свет истины. Его людское сердце
Дрожит в слезах у гроба. Но, как дух,
Ушедшему он вслед глядит безбольно
В сознании, что вечен дар зари...
Аминь! Бессмертен Дух его, зовущий
От детских слез и счастья наших дней.
Туда, где грудь людская вновь воскреснет
Из скудости в богатство полноты..
Звучит векам певучий дар его.
Преображая жребий человека
Чтоб стал он частью в чуде бытия
И в нашей жизни тайно ускоряя
К иному дню светающее время..
В устах Земли три имени ему:
Пифийский жрец, Пророк и вновь Пророк,
Что станет светом нового Синая
Он учит нас доверью ко Вселенной
И мы приемлем вещий зов его:
Земные братья, пробил час крещенья!
Бросайтесь слепо в воды Иордана,
И будет в мире молодость души!

Раскрылась ночь своей великой тьмой..
Подходит час полуночи немой!

Простор земли во мраке утонул...
И мир свои пределы разомкнул...

И над душой, неведающей сна,
Горят лишь звезд святые письмена,

Свой тайный блеск таинственно дробя,
Мой бедный ум, мне страшно за тебя!

В глухой тиши, среди глухих долин,
Пред бездной мира в мире ты один!

Тебе видна дневная ложь,
Нездешнего ты все же не поймешь.

В зловещей тьме, ты — тень среди теней,
С проклятием отдельности своей!..

Здесь — лишь грохот, хаос, зной..
Там, у грани неземной
Царство тайной тишины,
Где лишь пение струны...

В этом царстве тайных снов
Это пенье — вещий зов,
Чтобы в звездный час, в тиши,
Вскрылось пение души...

Третий раз поет петух!
И воскрес поющий дух...
Веет ангельским крылом...
Весь — молитва, весь — псалом...

Вновь у безвестного порога,
Людское сердце, бьешься ты —
Но пусть цветет твоя тревога
Лишь часу новой полноты...

Плетись сквозь ночь по звездам жизни,
Не мешкая в угрюмой мгле,
И снищешь ты стезю к отчизне,
В веках завещанной земле...

В минувшем небе — солнце ржаво,
Без пламени его огни —
И ты, венчанный новой славой,
На роковое посягни!

Таков закон судьбы суровой,
Что вдруг раскрылся час зари,
И стали в горной жизни новой
Золою царства и цари.
Пусть сладки сердцу в мире старом
Его отрада и печаль,
Но ты, смельчак морей, лишь с жаром
От мертвой пристани отчаль!
И там, где в жизни будут крепки
Сны старых стен, былая глушь,
На их оплот могильно-цепкий
Железный молот свой обрушь!

Длятся — тлеют глухо
Дни в немых стенах,
Где о царстве Духа
Молится монах.

1930

Пустыни, дебри — дни и дни —:
Здесь в хижине повремени!

Грозой иль вьюгой дышит путь —
Прикрой измученную грудь!

Дик, нелюдим простор степей —
Хоть каплю забытья испей!

1. 8. 1931
Aix

Вновь День свершил свой пестрый круг...
И вновь — во мгле — со мной сам-друг —
Мне, ослепленному борьбой,
Поет о Вечности прибой...

Стоцветный миг, рассветный час,
Раскрывшись молнией, погас —
И будет сумрак, как ни спорь,
До петухов, до новых зорь.

За тенью свет, за светом — тень —
К полночным звездам дух воздень
И в смуте, в час твоей тоски,
Лишь в кротость душу облеки.

Villa La Tour.

Люблю я этот домик с садом,
С оградой и крыльцом, откуда
Дивлюсь я на дневное чудо,
Раскрытое так щедро рядом...

Долина, холм, а там за ними,
Опять сады по горным склонам,
Крест дальней церкви в тонком дыме
И плечи гор в плаще зеленом...

Но в узкой и глухой аллее,
Вот здесь, вблизи благого крова,
Стократ мне ближе и милее
Зеленый конус стройной ели,
Напоминанье о мятели,
Пришлец с приветствием былого...

Но жребий дал мне эти ставни,
Как дал калитки скрип железный,
Чтоб позабыть той мир недавний
И душу отделить от бездны...

Так! Крепче доброе забрало,
Чтоб сердце вдруг не опознало
И не изведало той сути:
Что дышит вечностью в минуте.

Лето 1931
Aix-les-Bains.

Как снег, повторен цвет полей —
Отсохшей ветки не жалей,
Ни зыбких снов, ни трудных слез —
Всего, что в жертву ты принес...

В мятели бытия познай: —
В день воздаянья, в должный срок —
Взойдя, вернет далекий май
Всей щедрой мерой полноты
Все, что у жизни отнял рок,
Все, от чего отрекся ты...

31. 12. 1931. Полночь
Москва

ТЕНИ ОВИДИЯ.

Я знаю твой удел угрюмый,
Нежданный сердцу крест его,
Твои тоскующие думы,
И сны сиротства твоего...

Но на чужбине, где ты сиро
Влачил печаль опальных дней,
Твоя пророческая лира
Запела миру лишь звучней...

И, кончив путь в земной истоме,
Изгнанник черноморских скал,
Ты рядом с Римом имя Томи
В скрижалях жизни начертал...

Час славы отжил Капитолий
Мощь Кесарей распалась в прах,
А ты, певец любви и боли,
Сберег бессмертие в веках!

27. 5. 1932
Constanza.

Молятся, молятся думы,
Вторит им сердце в груди —
Темных из ночи угрюмой,
Господи, в свет уведи!

Духом вражды и корысти
Зиждится трепет людской —
Душу заблудших очисти,
Разум незрячих раскрой...

День поруганья над нами.
Бедствие крови на нас —
Пусть, как светильник во храме,
Чудо затеплит нам час!

Знаю, что, взрыхлив глубоко
Поле, Ты сеешь весну —
Дай не увянуть до срока
Цвету, налиться зерну...

Верую в день воскресенья —
Боже, Ты в мире ускорь
Смертной тоске утоленье.
Ясность негаснущих зорь!

В сокрытом строе мирозданья,
В безвестности его путей,
Есть горький подвиг ожиданья,
Что подвига борьбы трудней....

Без дум, без снов, без слез и смуты,
Как бы в плену у стен глухих,
Какая боль считать минуты
И мерить веком краткий миг...

Так, точно на меже осенней,
Не шепчет ветер в камыше,
И лишь стоят немые тени
В изнемогающей душе...

26. 11. 1932
Москва

Средь пенья волн, в часы их зова,
Горька прибрежная роса,
И от пустыни сна людского
Уносят сердце паруса...

В час бренных грез и боли праздной,
Моих испытанных подруг,
От их игры однообразной
Безвестный звон влечет мой слух.

Средь смены дней, что светят взгляду,
Как сказка ведомых страниц,
Забыв насущную лампаду,
Ловлю я в полночь свет зарниц.

К кресту земли, во львиной яме,
Мой дух тоскующий, ты весь
Прикован древними цепями,
Но в вечной жажде, ты не здесь.

То мы — в истоме своевольной,
То горький рок неволит нас... —
Встречай грядущий миг безбольно,
Скитайся в мире в добрый час!

Средь дум безлюдья — на просторе —
Иль в тесной суете с людьми —
Молись на молнию и зори
И скорбь полуночи прими!

Лишь перед солнцем брови хмурь,
Хотя-б и стыла кровь,
Не бойся в жизни трудных бурь,
И лишь люби любовь!

Один у жизни дар и клад —
Час пламени в груди —
Живи, пылая наугад,
И сердца не щади!

В ТОМ РАДОСТНОМ МОРЕ, ГДЕ НЕТ БЕРЕГОВ.

В глуши ли гор пустыню озираю
Иль слит с волной,
В земную ширь я руки простираю,
В простор земной...

Мой дух давно глухую боль о хлебе,
Весь трепет сил,
Их стон и смех, и все, что — смертный жребий.
Благословил.

И весь я — вздох молитвы бесконечной,
Чтоб жизнь цвела...
Ее борьбе, ее тревоге вечной
Моя хвала...

Но, как душе тоскующей ни любы
Цветы земли,
И пламя дня и блеск лучей сугубый
В его пыли, —

Я все же часто с болью разделяю
Мой пир дневной
И алчный взор с тоскою устремляю
За круг земной.

Когда в твоей слепой дороге,
Предав твой дух огню тревоги,
Твой час над сердцем меч занес,
Проси у жизни дара слез...

Их сирой горечью омытый,
В груди, не знающей защиты,
Ты полночь боли в свет и в тишь
Свое смятенье обратишь...

Всей силою познанья говорю:
Падите ниц пред утром золотым...
Прославьте светлую, росистую зарю,
Святых туманов светлый Божий дым...

Всей силою молитвы всех прошу,
Прославьте Бога, Бога вечных сил.
Ему я сердце — разум приношу,
Души больной последний трудный пыл.

Всей силою страданья утверждаю —
Есть в нашем сердце близость к раю,
Нам всем дано величие мечты,
Единый луч средь вечной темноты...

С верой в груди упорной,
Знающей колос пустой,
Сейте озимые зерна,
Новь зори золотой...

Только предавший плугу
Слезы, молитвы и сны
Смутно услышит сквозь вьюгу
Звон грядущей весны...

Только тревоге трудной,
В сумраке роющих прах,
Вспыхнет, как день изумрудный,
Свет на майских холмах...

Кончил в далях Бога
Вал свой шумный бег.
Зимняя дорога
Стелет тихий снег...

Миг и миг — две тени....
Равен часу час...
В их холодной смене
Искрится алмаз...

День и ночь средь снега —
Два глухих звена,
Два немых побега
Белого зерна...

Даже в час угрюмый
Кроток круг теней...
Усыпляет думы
Ровный скрип саней...

Смутно и безбольно
Снится даль весны,
В области раздольной
Белой тишины...

ОТРЫВОК.

МЯТЕЛЬ.

Чу! Ширь глухая вдруг завыла!
Вот зыбкий вихрь мелькнул в кустах,
И, будто с жалобой унылой,
Клубясь, гудя, взрывая прах,
Как белый призрак, мчится, пляшет,
Вдруг длинный саван распояшет
И обовьет им кровли хат,
И глухо-глухо бьет в набат...
Но сладость есть и в диком вое
Вдруг встрепенувшейся зимы,
Как жутко-сладок шелест тьмы,
И любо сердцу роковое,
В чьем сумраке безвестный час
Над грозной бездной водит нас!

Я гордо мудрствовал когда-то,
Что беглый жар в людской душе —
Лишь вечной цельности утрата,
Лишь шелест вихря в камыше...

И сердце билось и черствело,
Себя отняв от бытия,
И вот в груди осиротелой
Лишь боль проклятья мерил я..

А ныне я молюсь: Нетленно
Все, что приемлет праха лик,
И всей повторностью вселенной
Мой жребий смертного велик...

Я верую крепко в завет воскресенья,
В живую отраду в раю,
Я славлю могущество рвенья,
Я Богу молитву пою!

Я знаю, что дремлет в душе утомленной
Безмерность живительных снов,
Я знаю, что волей своей закаленной
Я вечно упорен и нов.

Я помню, что некогда радостью
Так ярко я был озарен,
Я верю, что в мире за темной оградой
До времени свет затаен!

Я знаю все, о чем в грозе поется,
И то, что нам дано понять в борьбе,
И то, что нам с зарею Божьей льется, —
В моей душе нет имени тебе.

Москва, 1933.

Вспыхнет ночь звездой далекой
Мне сквозь бледную зарю —
Одинокий — одинокой
Я молитву сотворю.

Москва, 1933.

Брось свой кров и дом свой малый,
Сон в черствеющей груди, —
Скалы грузные на скалы
В высь живую громозди!

Москва, 1933.

Благослови, Господь, лучистою зарею
Меня, взалкавшего к Тебе из темноты,
Быть может, я твоих лучей не стою,
Но я так слаб, а силен только Ты!

Москва, 1935.

В тот час, когда от смуты сердце рвется,
И в горечи тернового пути
На зов души душа не отзовется,
Свой трудный трепет к звездам обрати.

Москва, 1935.

В немой степи проходят вихри краем,
Взвиваясь к солнцу сумраком своим...
Что — жизнь? Что — смерть? Мы знаем
и не знаем,
Равно в лучах и в сумраке стоим.

Как-бы все те же дни и зори,
Но каждый миг, едва взойдя, уже
Горит-цветет в другом просторе
И гаснет на иной меже...

Москва, 1936.

Мой частый Гость полночный — Кто ты,
Мой верный спутник в смене лет?
Нет в жизни часа без заботы...
И думы непреложной нет...

Москва, 1937.

Зачем, мой Рок, для жизни бренной,
Ты дал мне темную межу,
Где двум мирам одновременно
Я, блудный раб, принадлежу?

Москва, 1937.

Молкнущий вечер во мгле —
Яко земля еси —
Темной и алчной земле
В жертву себя принеси!

1938.

Только грани и оковы
Солнцу вешнему и цвету —
Помолись, монах суровый,
За Ромео и Джульетту...

1938.

Сердце, не плачь, что ты — малая часть —
Вот, вдруг сверкнула зарница — :
Есть, перед чем, сокрушенному, пасть!
Есть чем, в ночи, осениться!

1938.

Средь бега дней моих порой,
Не своенравною игрой,
А тайной волей бытия
Взрывается вся жизнь моя.
И вновь, как явь, цветут кругом
Деяния и сны в былом —
Как, вдруг, уже цветет в груди
Все то, что будет впереди...

1938.

Сладко часу звездно цвесть!
На земле ступени есть,
К неземному рубежу —
В высь, куда я восхожу.

ПОЭТУ.

Ты, в жизни, был на высях гор
И — клад заоблачный — простор
Для дум и снов, в долину слез
Душе изгнанника принес.

1938.

Нет в жизни сладости чудесней,
Чем, кубок дня испив до дна,
Его тревогу кончить песней,
Хоть часто жалобна она!

1938 г.

ПРИ ПОКУПКЕ НОВЫХ ОЧКОВ.

Подаждь мне, Боже Всемогущий,
В час тишины и в час тревожный,
Вступив в твои сады и пущи,
Найти в изгнаньи путь неложный,
Стезю живую в час грядущий...

Чем дальше путь, тем чаще нужно
Брести слепцом сквозь мрак нежданный,
Лишь Ты подашь душе недужной
В обманах праха безоружной,
Свет истины обетованной...

10. 9. 1940
Париж.

Вновь, вновь зажется в должный срок
Стоцветным пламенем восток.
Радеет плуг вблизи, вдали —
Хвала поденщикам земли!

В лазурном зное, в вихрях гроз
Зеленый стебель к солнцу рос,
Луга и нивы зацвели —
Благословенны сны земли!

Поблек в полях зеленый шелк,
И шелест трав уже умолк,
И отлетели журавли —
Блаженной пленники земли!

17. 3. 1941
Париж.

НОВОГОДНЕЕ ВИДЕНИЕ.

Высокочтимой Матери Марии.

Знак неразгаданного рока,
Равно клеймит и прах, и цвет,
Но наши пытки лишь до срока,
Как сумрака без меры нет...

Лишь смерч и смерч нам ныне ведом,
Где мирные сады цвели,
И Демон Тьмы кровавым бредом
Сковал сурово грудь земли...

Но благодатные созвездья
Прольют сквозь мрак свой свет на нас,
И близок, близок час возмездья,
И щедрый воздаянья час...

Вот Он — грядет рассветный Витязь
В венце из радуг и зарниц —
Гонимые земли, молитесь,
Заблудшие, падите ниц!

31. 1. 1942
Париж.

М. А. Ефремовой.

Цветам былого нет забвенья,
И мне, как сон, как смутный зов —
Сколь часто! — чудится виденье
Евпаторийских берегов...

Там я бродил тропой без терний,
И море, зыбью голубой,
Мне пело сказку в час вечерний
И пел псалмы ночной прибой...

В садах дремала тишь благая,
И радостен был мирный труд,
И стлался, в дали убегая,
Холмистой степи изумруд...

С тех пор прошло над бедным миром,
Кровавым смерчем, много гроз,
И много боли в сердце сиром,
Я в смуте жизни перенес.

Еще свирепствует и ныне
Гроза, разгульнее стократ,
И по земле, полупустыне,
Взрывая сны, гудит набат...

Но сон не есть ли отблеск вечный
Того, что будет наяву —
Так пусть мне снится, что беспечный,
Я в Евпатории живу...

18. 10. 1943
Париж.

Марии Б.

Здесь ты найдешь живые зерна
Моих томлений, — снов и дум —.
Когда, враждуя иль покорно,
Вникал я в жизни спор и шум...

Восходом ставшие зарницы,
Упорство веры и надежд,
Иль просто ужас бледнолицый
В прозрении сонливых вежд...

Сверканье утра в росах мая,
И разъяренных волн прибой —
Весь я, душа тебе родная,
И сердце, гордое тобой!

Марии Б.

Ты мне всегда — в моем пути суровом —
Была, как мать.
Каким иным святым, бессмертным словом
Тебя назвать? !

Вот почему в борьбе и долгом зное
Моих тревог,
Мой плен, мое изгнание земное
Снести я мог.

Ты принесла в мой путь, так часто тесный,
Как в ночь, зарю —
И я тебя, мой день, мой свет небесный,
Боготворю!

ВЕРНОМУ ДРУГУ МАРИИ

в день ее рождения.

В твой добрый день, весь мир кругом
В огне, в крови —
Но ты с молитвой о благом,
И впредь живи!

Ты много ведала тревог
В твоем пути —
Твой дух их пытку превозмог,
И ты цвети!

Твой дух незыблимо был смел
Средь мрака лет
И в то лишь веровать умел,
Чье имя — свет...

Стремись доверью к бытию
Не изменить,
Чтоб свет и дальше вил твою
Земную нить!

22/9 апр. 1943 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Ранние стихи от 1897 г. до 1912 г., не вошедшие в книги: «Земные Ступени» и «Горная Тропа».

× × ×

Цветок смиренный - полевой,
Я - твой двойник, я - рыцарь твой!
Как ты узор по лепестку,
Свои мечты я в сердцѣ тку.
Тебѣ я грезами сродни
И в узком мiрѣ мы одни!
Нам хлѣб - забота нипочем, -
Мы можем жить одним путем!
Одна весна нам в мiрѣ мать;
Мы учим Бога понимать.
Цветок мой, слушай, - не дыши,
Мы - двое раскрывители души,
Мы - вся нарядность бытiя,
Нас в мiрѣ двое: ты да я!

Уже вечереет... Спустился туман.
У берега тише шумит океан...
Рыбак, утомленный дневною тревогой,
Плетется с добычей к избушке убогой,
И полный признанья бросает он взор
На моря родного туманный простор...
И берег уснувший угрюмо лежит,
Одна лишь высокая ива не спит...
Покорная ветру, над шумной пучиной
Качает надломленной бурей вершиной
И шепчется тихо с прибрежной скалой,
О вихрях промчавшихся ночи былой.

Майоренгоф
Лето 1897 г.

**У ложа смертельно больного,
В лампаде огонь догорел...
И образ Распятья святого
В немой тишине потемнел...
Но гаснет и жизнь, как лампада,
Неволи тяжелые дни...
И первая мира отрада
Затеплилась тихо в груди.**

*Майоренгоф
23. 6. 1897.*

Передо мной все тот же шум глухой,
Дитя знакомого смятенья,
Все тот же яростный прибой
Упорный, как огонь сомненья,
Все тот же сон на берегах...
Все те же сосны вековые
Стоят, как стражи на часах,
Все тот же прежний ряд холмов,
Волной сметенных океана,
Все тот же давящий покров
Осенней ночи и тумана.

Майоренгоф
Лето 1897 г.

ИЗ КНИГИ «БЫТИЯ».

Когда из хаоса совместных Очертаний
Зловещим образом, бледнея, Ужас встал,
Он тени нежные лучистых упований
От сердца бедного сердито отогнал.
И пред лицом Его безжалостно-холодным,
Беспечный дрогнул мир в отчаяньи немом,
С цепями Гнет приблизился к свободным,
И властным окриком пронесся в небе гром.
Пылали города... поднялся вихрь в равнине,
У моря бурного погасли маяки,
И смерчи грозные носились по пустыне,
Удушливым столбом подняв ее пески...
От стад бежал пастух и пахарь из селенья,
От алтаря, ломая руки, жрец,
И узник рвал цепей железных звенья,
И струны звонкие рыдающий певец,
И молния за молнией сверкала над толпой,
Беспамятной, безумной от мученья,
И всюду стон стоял и лилась кровь рекой...
То было в некий день Творенья.

Трепещет долина от зноя,
И море у берега спит.
«Я жажду такого ж покоя!»
Мятежное сердце твердит.

Орел молодой под горою
К полету готовит крыло.
«Возьми меня к небу с собою.»
Вновь просится сердце мое.

По пышному пестрому саду
Прохладная тень разлилась.
«И мне дай, Создатель, прохладу!»
Твердит мое сердце, молясь.

Под снежным обвалом долина
Весной грозовою лежит.
«Меня что ж минуешь, лавина? !»
Усталое сердце твердит...

1898 г.

Нарядно выстлав дол, взбегая на холмы,
Красуйся, шелести, зеленый океан!
Твой радостный простор, мой дух освобождает
От горькой слепоты незнанья моего,
И в полноте восторга сердце постигает
Премудрость Пахаря и Замыслов Его.
Всю горечь дней моих и боль душевных ран,
Поникнув пред Творцом, смиренно забываю,
И с шелестом твоим свой тихий вздох сливаю.
Красуйся, шелести, зеленый океан!

Мне дорог в мире каждый крик живой,
Хотя бы в нем страданье было скрыто...
Мне светел час невзгоды грозовой,
Где все в одно заковано и слито, —
Где каждый миг — во власти роковой,
Для всех одной..

Ковать ли жизнь во мраке рудника,
Плести ль ее в сиянии полдневном, —
Она везде, как колокол, звонка, —
Везде бурлит в своем напоре гневном
Гремучая весенняя река
Издалека...

В людской судьбе мне дорог каждый миг,
Мы все живем отчаяньем забот.
Нам всем в пути мучительно и трудно...
Я в жизни всюду слышу вещий крик,
Но победит и жив один лишь тот,
Кто уповал, хотя бы безрассудно,
Что нас везде осветит солнца лик,
Что наше сердце ужас всех невзгод
Переживет.

25. 7. 1903 г.
Меррекюль

ПТИЧКА

Ширь лесную облетая,
Птичка дикая
Вьется, звонко напевая,
То чирикая...

С песней, каждою зарею,
Просыпается
И алмазною росою
Умывается...

У ней забот немного —
Жизнь беспечная, —
Всюду вольная дорога,
Бесконечная...

Чтоб не видел зоркий кречет,
В чаще прячется,
Все хлопочет, все щебечет
И не плачется...

Ей не нужно ни усилья,
Ни терпенья,
Ей никто не свяжет крылья,
В час стремленья...

Всюду в мире ей найдется
Ветка тонкая,
Всюду громко пронесется
Песня звонкая.

17. 8. 1903 г.

Наш каждый день таинственно певуч,
Наш каждый час ликующе прекрасен, —
Везде, всегда, — нам светит Божий луч,
Но ярче там, где трудный путь опасен,
Где нам грозит завеса темных туч...

Он нам поет, как шумная листва,
И как ручей, как влага ключевая,
И как морская вечная молва,
Где каждый вал подъемлет весть живая,
Что в небесах безмерна синева...

Он сеет свет за плугом бедняка,
Дрожит в мольбе пастушеской свирели,
Лелеет миг, баюкает века,
Идет со сказкой к детской колыбели,
Творит молитвы в сердце старика...

Он все связует радостно в одно,
Раскрыв лазурь над нивою дремотной,
Готовит к жатве каждое зерно, —
Везде кует, как молот искрометный,
Чтоб было крепче каждое зерно.

Наш каждый день — живое торжество,
Хотя б он был исполнен трудной боли,
Наш каждый миг — святое волшебство,
Везде горит восторг могучей воли,
Ты лишь спроси у сердца своего.

23. 4. 1903 г.

ВЕТЕР (*)

Мчится ветер легкокрылый,
Воет, носится, поет...
Облетает мир безбрежный,
Веять, жить не устает...

Выть ли, в беге в дали синей,
Там, где утро зажжено,
Или там где сумрак, иней, —
Ветру в мире все равно,

Напевать ли в рощах юга,
В кипарисах, в тополях, —
Или там, где воет вьюга
В темных северных полях....

В море, в поле, — та же воля,
Всюду радостно ему, —
Весела земная доля,
Веять, рыскать — одному...

Там, где солнце, там, где тени, —
Всюду звонок, свист и вой, —
Недоступной нет ступени,
Для свободы грозовой...

Дышит зноем ли полдневным,
Ночью ль море бороздит, —
С визгом, присвистом напевным
Веет, мечется, гудит:

---

*) Напечатано в сильно измененном и сокращенном виде в «Земных Ступенях».

— Бег мой вольный в даль направлен,
Для порыва я рожден, —
Ни к чему я не приставлен,
Ни к чему не пригвожден.

Мчусь я вихрем без усилья,
То ли ветру по плечу, —
Встречу мельничные крылья, —
Эко горе! — Поверчу!

Вею, вою, напеваю,
Перед далью не дрожу, —
Пламя жизни раздуваю,
Каждой искрой дорожу...

Над уснувшим океаном,
Только гряну я трубой,
Встанут волны ураганом
Над пустыней голубой.

Если сумрачные тучи
Затуманят синеву,
Я им брошу крик певучий,
В хлопья, в клочья изорву.

Всюду звонок возглас воли,
Все во славу бытия, —
Нет на свете равной доли,
Веселее, чем моя!

28. 8. 1903 г.

Меррекюль

Живи один, внимая тишине,
Учись быть чистым в сердце у цветка,
Невинным, как дитя в своем безгрешном сне.

23. 2. 1904 г.

В ПУТИ.

Вечернее зарево меркнет, скудеет,
Ложится туман на поля,
И скорбное сердце дрожит, холодеет,
И тихо безмолвна земля...

Ни вздоха о счастьи, ни плача о хлебе,
Ни шелеста в темном кусте, —
Лишь светлые звезды в сияющем небе
Мерцают, дрожат в высоте...

Меж страждущим сердцем и миром безмерным,
Распалось дневное звено, —
Лишь в памяти светом случайным, неверным —
С минувшим оно сплетено...

Что было, что будет — все та же дорога,
И пепел, и пыль позади, —
Молитва о жизни, искание Бога,
И тысячи верст впереди...

Вдоль пыльной дороги, на темном откосе,
Все дремлет, уснуло, молчит, —
О камень дорожный один лишь мой посох
В безмолвии мира стучит.

16. 11. 1906 г.

МАРИИ Б.

Твоя душа, как светлая волна...
Ей дан Творцом и блеск, и бег певучий,
Но здешний день проходит серой тучей —
И глуше звон и меркнет глубина...

Твоя душа, как скорбная струна...
Взамен живых молитвенных созвучий
На ропот дня и чуждый, и гремучий
Она, в плену, ответствовать должна...

Вот отчего, когда мелькнет простор,
Живою мукой — радостью живою —
Как бы прозрев — засветится твой взор, —

Вот отчего, когда в ночную тишь
Прольется свет падучею звездою,
Ты ей во след изгнанницей глядишь...

18. 3. 1905 г.
Флоренция.

И вновь я, безбрежное море, с тобой!
Вникаю всем сердцем в твой шумный прибой,
И звонко твоя грозовая волна
Мой дух пробуждает от сна!

И вновь предо мной громоздятся валы,
И вновь содрагается остов скалы, —
И сердце, усталое, бьется вольней,
Над грозною бездной твоей.

И вновь я, подобно мятежной волне,
Хочу приобщиться к твоей глубине, —
Быть вихрем, блуждающим в далях твоих,
Как он беззаботен и лих.

Так хлынь же навстречу набегом своим,
Венчайся, свободное, с сердцем людским
И, вместе с песчинками, в бездне немой,
Очисти его и омой.

16. 11. 1906 г.

В тот горький час, когда я в жизни шумной
Иду, сливаясь с праздною толпой,
И для забавы мелочно-безумной,
Заветной жертвую мечтой;
В тот горький час, когда печаль изгнанья
Рассеять я хочу — священную печаль —
Отравою минутного желанья,
И вечного порыва мне не жаль;
К чему в тот горький час паденья и позора,
Ты, дивная, туманная звезда,
Не взглянешь пламенней мне в душу из простора,
Иль не погаснешь навсегда?
К чему в тот поздний час,
Опять я рвусь к тебе запятнанной душой,
Когда так сумрачно, так скорбно, безутешно,
Ты, безучастная, сияешь надо мной?!

Не для страстей разнузданных, я создан для познанья
Таинственных заветов роковых —
Для бега гордого в пространстве мирозданья,
На крыльях грезы золотых...
Не для забав толпы слепой, несправедливой,
Я в мир пришел с душой своей пытливой —
К живому Духа алтарю
Стремленьем вечным я горю.
Едва проснулся ум — из детской колыбели —
В мучительной молитве и живой,
У Бога я просил одной святой лишь цели,
И не твержу молитвы я иной...
Пусть свет слепой неправым приговором,
Клеймит мою и веру, и любовь,
Лучиста цель моя перед сознанья взором,
К борьбе не охладеет кровь...
Пробьет мой час! Разбив свои оковы,
Забыв безумные гонения земли,
Я ей открою путь в мир радостный и новый,
Мир обновления и правды, и любви.

Тяжелая пора тоски и ожиданий,
Пришедшая на смену грез живых,
Как ты полна предчувствия страданий,
Как медленный твой бег томителен и тих!
Там, где я ликовал в порыве жгуче-смелом,
Где жизни слышался таинственный напев,
Теперь стою один в пространстве онемелом,
Средь вечной тишины один не присмирев...
И в горестном сознании обмана,
Ищу, обманутый, защиты и суда
Над тем, кто свет сулил, а дал мне мрак тумана,
Кто праздник обещал, а дал мне гнет труда...
Кто счастье обещал?! Откликнись, вероломный!
Мой враг, тебя зову из душной темноты...
О горе мне!.. Как прежде, тихо все. Одно в долине темной
Откликнулось мне эхо... «ты»...

СМЕРТЬ.

Она пришла не в полночь привиденьем,
Не в образе костлявом и немом,
Обвеянном зловонием и тлением,
А женщиной с безоблачным челом,
Шумя изысканным и праздничным нарядом,
С улыбкою привета на устах.
Она сказала мне желанья полным взглядом:
«Возьми меня — ты звал меня в мечтах.»
И вот пошли пиры... в безумствах опъяненья.
Я мир забыл, постигнув мир иной,
Неизъяснимого и жгучего забвенья,
И радости разнузданно-живой...
И пил я жизнь безпечными устами,
Душой безпамятной отдавшись суете,

ПОСВЯЩЕНИЕ. (*)

Всем тем, чей дух немеющий томится
Изгнанником, заложником, в плену, —
Кому отрада — дальняя зарница,
Чуть внятный звон, смутившій тишину...
Всем тем, кого благая страсть коснулась,
Как алчных уст, кастальская струя, —
И чья душа ликующе проснулась
Как благовест стозвонный бытия...

19. 2. 1907
Москва

---

*) Посвящение к неоконченной поэме: *Поклонение Земле.*

БАЛЬМОНТУ (*)

Привет, Бальмонт! Поклон земной!
Пусть осенится новизной
Твой путь дневной — твой путь ночной!

Не новый год, безвестный свет
Приходит в темной смене лет —
Всему небывшему привет!

Грядущее — как глыба льда...
Немой полуночи — звезда, —
Земле — земная череда!

Мы с ней в невидимой связи...
Во всех извилинах стези,
Ты, сердце, тайну отрази!

Грядущее — как глыба льда —
Покой, тревога — смех — беда —
Чему какая череда.

---

*) Из писем к К. Д. Бальмонту.

Всему минувшему — прости!
К тому, что было, нет пути —
Земная буря, вой, свисти!

Взыграй, шальная, веселей,
Взрывай немую глубь зыбей —
Людского сердца не жалей!

Как ничего ему не жаль,
Безумно рвущемуся вдаль,
Чье имя — тайная печаль...

Не новый год — не новый свет,
В пустыне верст и знаков — нет, —
Беззвездной Вечности привет!

1. 1. 1907

БАЛЬМОНТУ.

Привет тебе, родной и нежно-звучный,
То светлый, как заря, то дымный, как пожар,
Как с искрою кремень, упорно неразлучный
С истомой вечных чар...
Люблю тебя, как шаг к стране родимой,
Как сон пустынь, как тишину лесов,
Как шум морей, сурово-нелюдимый,
Как вздутость гордую бегущих парусов...
Привет, привет души, взлелеянной тоскою
Сожженых молнией погибших юных дней,
Пытливо-бдительной пред Тайной роковою
Души воинственной моей...

БАЛЬМОНТУ*)

Быть вновь уже не в здешнем цвете
Судьба земли тебе дала,
И копит мед тысячелетий
Твоя бездремная пчела...
Да бодрствует твой дух безбольный
В юдоли скорби, зла, обид...
Досель ты — бард надменно-вольный,
Отсель — молящийся друид!

14. 9. 1930

---

*) В ответ на книгу «В раздвинутой Дали». Белград 1930.

БАЛЬМОНТУ.

Весь мой напев — как бездны вечной ночи
Средь вечных льдов...
Он — там, где жизнь гнетет всего жесточе
Сирот и вдов...

И где судьба разит своей лавиной
Людей, как мух...
На зов же кроткой песни соловьиной
Я — нем, я — глух...

Мой дух к певучести не клонит
Весенний хмель,
Он — там, где Смерть глухие смерчи гонит,
Грозу, мятель...

Он — там, где света — счастья — искры — крохи,
Где — жизнь: терпеть, —
А про цветы, про блестки, грезы, вздохи, —
Не стану петь!

К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Из светлых звезд приметил ты Венеру,
Владычицу пьянящих душу снов,
И сквозь свою земную атмосферу
Прозрел в ней блеск загадочных основ,
Но в этот час тоски и созерцанья,
Поднявшись от земли в ликующий простор,
Ты помнишь ли, что в храме мирозданья
Не мало у нее чарующих сестер?
Их вечное сияние — не наше,
Их вести мгле нам трудно понимать,
Хотя они, быть может, даже краше
Царицы звезд, что — женщина, что — мать.
Взгляни, туман полночный серебрится
Святым огнем еще других лучей,
И Вечный Бог так щедро не скупится
На пестрый блеск для видящих очей,
Да только в нем нет сладкой, пьяной ласки,
А есть тоска, мучение креста,
Все ужасы Голгофской темной сказки,
Зовущие молитву на уста.
И в том, что ты прославил свет Венеры,
И в том, что у тебя небесно-строен стих,
Во всем, что у тебя превыше смертной меры
В твоих устах, во всех делах твоих
Я узнаю влиянье звезд других.

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ АККОРДЫ.

Бьется сердце в темной доле,
Стонет, стынет и дрожит...
За осенним лесом поле,
Опустелое, сквозит...

Отошли переговоры
С вешним шелестом лесов...
Омрачила скорбью взоры
Боль, не знающая снов...

В серых далях — в небе чистом —
Мир — пустыня навсегда,
Где лишь вихрь с осенним свистом
Пробегает иногда...

Ширь — печальней, даль — безмерней
В одиночестве полей...
Здравствуй, скорбный звон вечерний,
Зов бездомных журавлей!..

Знакомые, родимые места...
Все тот же сад... Все так же в роще смежной
Журчит ручей доверчиво-прилежный, —
Лишь ты, душа, теперь уже — не та...

Струится мир от каждого куста,
Все также в небе жаворонок нежный
Поет псалом о воле безмятежной,
Но сдвинута заветная черта...

И в шум, и в звон прокрался голос новый...
В напевах воли — чудятся оковы
И там, где смех беспечный прозвучит,
Сокрытое рыдание дрожит.

СОН.

Мне снилось: я лежал уже в земле сырой...
Осенний ветер выл над урной одинокой:
И вновь вернулся я тоскующей мечтой
К поре своей земной, забытой и далекой.

В безжизненной игре томительных теней
Я скорбно различал всю нищету былого,
Весь ужас и позор моих минувших дней,
Растраченных средь странствия земного.

И дрогнула душа от муки и стыда
И жег, как молния, воскресший образ каждый,
Как непосильных пыток череда,
Иль адский пламень бесконечной жажды.

И понял я, что жизнь святая благодать,
И алчною душой рванулся из могилы
Минувшее пред Богом оправдать —
Но в скованной груди не оказалось силы,

И тяжелей земля на грудь мою легла...
В усилии мучительно-бесплодном
Я плакал и стонал в гробу моем холодном
И бился, как в когтях у хищника-орла.

И ярко помнилось минувшее сиянье,
Восторги бытия, простора трепетанье,
И славой и огнем пылавший небосклон, —
Узнайте, мертвецы, бывает страшный сон!

Я слышал весть о радостной весне,
Грядущее торжественное пенье,
Предание о близком светлом сне...
И вам я говорю: спокойствие! Терпенье!

Готовясь к пиршеству и сердцем, и мечтой,
В их тайных помыслах, слепцы, преобразитесь,
Чтобы принять рассвета луч святой,
Когда зажжет нам день, податель света, Витязь...

Великая завеса упадет
И все поймут, что все мы близки раю...
Внемлите же, средь бурь, гонений и забот,
Я всякой ниве ведро предрекаю...

Мне шумно пел взыгравший вал морской:
«Мне берег — не приют, затишье — не покой.
Я создан для вражды застигнутых тревогой.
А не с кем вдаль бежать, — взыграю и один.

Мне краше грезами неверный сон глубин,
Чем мирный сон на отмели пологой!»
Мне крикнула упавшая звезда:
«Теперь твоя святая череда!

Поправ ночную тьму мгновеньем огневым,
Сверкни над миром пламенем живым
И, ослепив людей, погасни, как мечта,
Чтоб тяжелее сонным стала темнота!»

Подходит полдень... Воздух раскален...
Простор исполнен искристых сверканий...
Лазурь небес, как в поле синий лен,
В глубинах мира стелется без грани...

Спокойна грудь... Глухой порыв желаний,
Как светлой лаской, зноем усыплен,
Как будто в боли сумрачных алканий
Весь Божий мир лучисто утолен...

Ни дум, ни грез... И море, все в огне
Едва-едва свой синий вал колышит,
Качая тихо солнце на волне,

Которое взирает с высоты,
Как океан великой грудью дышит
Бестрепетным покоем полноты.

НОЧЬЮ.

Валерию Брюсову.

Жизни мышья беготня.
А. Пушкин.

В великий храм полночного молчанья
И я свою молитву приношу...
Ни радостей, ни счастья, — только знанья
У Вечного тоскующе прошу.

Я лишь хочу, хотя-б на миг короткий,
Приникнуть к тайнам Вечности живой, —
Подняв свой взор, беспомощный и кроткий,
Сиянью звезд доверить разум свой.

Я лишь хочу, припав к земле сонливой,
Измученной в томлении забот,
Подслушать тайну жизни суетливой,
Чем это сердце дышит и живет.

Мы все горим незнанием и ложью.
Вы, звезды вечные, шепните тихо мне,
Как нам две правды — здешнюю и Божью,
Скрепить в одно в душевной глубине!

ГОРНОМУ РУЧЬЮ.

Из светлого царства высот белоснежных,
Рожденный полдневным лучем,
Ты вьешься и скачешь, в порывах мятежных,
Стремнины тебе — нипочем!

Где темные скалы, рядами смыкаясь,
Хотят заступить тебе путь,
Ты звонче, чем прежде, гремишь, насмехаясь,
И бьешь их в холодную грудь.

И с песней победною в бездну, с разбега,
Спешишь ты, ликуя, упасть,
И в этом паденьи — приволье и нега,
Беспечность, и сила, и власть!

И вот, ты в долине, — ты с озером темным
Сливаешься робкой струей,
И дремлешь недвижно, и блеском заемным
Чуть блещешь сквозь сумрак ночной.

Когда же , при месяце, гор отраженье
В сонливую глубь упадет,
Не ты ли так скорбно дрожишь от томленья,
Пред призраком светлым высот? !

В мой храм нет входа в мире никому...
С приделами и башнями своими,
Лишь для меня он высится безмолвно,
Горя живым сияньем гордых глав,
Увенчанных воздушными крестами...
Когда я утром двери раскрываю
И подхожу к святому алтарю,
Чтобы прославить свет зари росистой,
И в хижине не слышу за собой
Людских шагов, моей святыне чуждых,
Ни шопота ленивых лживых уст,
Ни этих вздохов жалких и холодных,
Что на земле молитвою зовут...
В мой храм нет входа в мире никому...
Иначе, как пред Богом мне открыться
Во всей моей душевной наготе,
Как пасть мне ниц всем сердцем и сознаньем,
Пред тем, кто дал мне светлую возможность
Слияния и близости к Нему...
Иначе, как омыть бесчисленные язвы,
Которыми в неведеньи позорном,
Я сам себя позорно осыпал?!

Ни близкого, ни ближнего, ни друга...
Я замкнут весь, как узник, сам в себе, —
В миг радости, в час горького недуга
Пустынен смех, нет отклика мольбе
В немой, для всех неведомой борьбе.
Одна мечта — угрюмая подруга,
Что шепчет мне проклятия судьбе
И в час труда, и в скорбный час досуга...
И человек затерян средь людей,
И тщетно он тоскует о слияньи —
Что капля с морем — матерью своей...
В беспомощном и сумрачном скитаньи,
В полдневном зное иль в полночной тьме,
Он бедный узник — в собственной тюрьме.

Как водопад, дробящийся о скалы,
И громок и красив наш пламенный порыв...
Но всяк из нас, как путник запоздалый,
Подходит к торжеству угрюм и молчалив.
День подвига, желанный миг победы,
Едва прошел, мы горько жаждем сна —
Добыча же другим... Мы слишком домоседы,
Чтоб в даль идти, пока нам жизнь красна.
Одно усилие и человек бессильный
Исчерпан весь, ни сил, ни жажды нет...
О, снизойди скорей, огонь плавильный,
И переплавь расслабленный наш свет!

Я светлый оникс — я лежу в земле —
В мучительной и мерзостной темнице,
А ты, мертвец, обрадовался мгле
И траурной дешевой колеснице.
Я свет свой жаждал жизни расточать,
Навеки замкнутый под слоем чернозема,
И силюсь в темноте сорвать его печать,
А ты, зарю забыв, лежишь в земле, ты — дома.

Я видел надпись на скале:
Чем дальше путь, тем жребий строже
И все же верь одной земле,
Землей обманутый, прохожий...

Чти горечь правды, бойся лжи.
Гони от дум сомненья жало
И каждой искрой дорожи —
Цветов земли в Пустыне мало...

Живя, бесстрашием живи
И твердо помни в час боязни:
Жизнь малодушному в любви
Готовит худшую из казней.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ.

в Красной Поляне.

I.

Пока ты, весь средь славы горной,
Всегда на новь вещей глядишь,
Я с грустью тку свой день повторный,
Влачу в тоске ночную тишь.
Нам, братьям, жребий дан различный:
Твой каждый час — что хлеб пшеничный,
И с ним ты крепок, с ним ты — царь...
А мне мой миг — кроха, сухарь,
Не в меру жесткий, слишком черствый!
Но как бы я ни звал порой
Цвет дня ненужною игрой,
Храня в груди завет: «Упорствуй»,
Приемлю скудость, боль, суму
И верю часу моему...

II.

И как не веровать смиренно,
Что в суете путей людских
Есть звездный знак на яви бренной,
И входит вечность в беглый миг...
И если нужно Божьей воле,
Чтоб застонала грудь от боли,
Пусть жребий мой волной огня,
Как ризой облечет меня...
Привет земным слезам и горю!
И в терниях, служа кресту,
В простор веков да возрасту
И в трудных пытках да ускорю

. . . . . .
. . . . . .

III.

Кто жрец? И кто — огонь суровый?
Чьи дни — как плавный воск полей?
Не знаю... В храме жертвы новой
Я весь — и пламя и елей...
И всей душою обделенной
Я пламенею умиленно —
На свет и боль тоски святой —
Неугасимой полнотой....
И как судил мне жребий строго,
Та власть, в чьей воле — все пути,
Я буду жертвенно цвести
У заповедного порога,
Где сердце ждет полдневный зной
И весь безмерный круг ночной...

IV.

Цвети,душа, пока не сжаты
Зной дней отбывшие поля,
Пока не плачет боль утраты,
Как зов бездомный журавля...
А там, в угрюмый час ущерба,
Сквозным скелетом встанет верба
Над пустошью без рубежа,
Где лишь означится межа,
Шурша редеющей щетиной;
И раня слух, волнуя кровь,
Зловещим криком вновь и вновь
Средь мертвой чащи свист совиный
При бледном зареве луны
Пронзит дремоту тишины...

ЛЕСНОЙ ХОРАЛ.

Молитвенно, как пение органа,
Нагорный лес над кручею гудит,
Как будто вопль былого урагана
В своих певучих дебрях он таит...

Протяжный гул, как древнее сказанье,
Звучавшее на пиршестве веков,
То бранного исполнен ликованья,
То стонет звоном сумрачных оков, —

То, бросив в высь свой голос величавый.
Как если-б с ним воскликнул весь простор,
Опять поет святую песню славы
Пред алтарем в святыне вечных гор...

И, подавив своей волною бурной
И пенье птиц, и кроткий звон ручья,
Возносит вдаль к безбрежности лазурной
Мольбы души и вздохи бытия.

Молитесь свету, пока не поздно,
Пока не кончился праздник луча, —
И дымный вечер не дышит грозно,
И упованьем грудь горяча...

Молитесь пенью веселой пляски,
Пока ликует живой хоровод, —
И нежным чарам рассветной ласки
И трепетанью проснувшихся вод...

Раскройте сердце пред Божьим громом,
Пред каждой искрой падайте ниц,
В пути далеком и незнакомом
Молитесь зареву скорбных зарниц.

Под игом скорби, оцепененья,
Склонитесь в мире с горячей мольбой
Пред тем, что дышит радостью рвенья,
Что бездремотно шумит, как прибой...

Пред каждой высью, пред каждой далью,
Будите душу алканьем живым,
С немою мукой, с немой печалью
Внимайте жадно речам грозовым.

Ищите жизни, в тоске упорной,
Припав с молитвой к земле,
Молитесь солнцу в степи просторной
И первым звездам в вечерней мгле.

ОСЕННЯЯ БАЛЛАДА.

Плывут, дымятся облака
В вечерний поздний час,
И стонет вихрь издалека
Уже несчетный раз —:
Пришла пора зловещая, —
Певучий день погас...

Об этом знает гул лесной,
Раздавшийся в тиши.
И глухо шепчутся с волной
Речные камыши, —
Ответствуя смятенью
Проснувшейся души...

В померкшем сердце помнят все,
Как ярок был рассвет,
Как он сверкал в волнах, в росе,
Как пышно был одет, —
Как в жизни было радостно
Все то, чего уж нет...

И всем поет осенний шум,
Что полдень отгорел, —
И горек трепет поздних дум
Тому, кто даже смел,
Но больше всех усталому,
Кто счастье проглядел...

И вот в предчувствии немом
Безрадостного сна,
Вздыхает каждый о былом,
Где даль была ясна, —
Где всех звала на празднество
Стозвучная весна;

Но вот пришел туман ночной,
Что гасит все не в срок, —
Своею серой пеленой
Все небо заволок, —
И знает сердце каждое,
Что день уже далек...

Уж день далек, — и тщетно взор
Глядит ему вослед, —
Разорван праздничный убор,
Певучих гимнов нет, —
На скорбный крик безмолвия
Безмолвие — ответ...

АККОРДЫ.

Одиноко пробегает
В поле пыльная тропа, —
Грузно землю попирает
Утомленная стопа...

Под холодным серым небом,
Только вспаханы холмы,
Для скитальческой сумы! ?
Кто ж навстречу выйдет с хлебом.

Поле... поле... Мир просторен!
Всюду пашни в стороне, —
Много Пахарь бросил зерен,
Много-ль будет на гумне! ?

Ждут посевы всхода, роста...
Скоро-ль грянет летний гул? —
С отдаленного погоста
Наклоненный крест мелькнул...

Извиваясь одиноко,
Там кончается тропа, —
Кто же там почил до срока,
Кто не дожил до снопа! ?

Уже в долинах дрогнул трепет томный...
Как изумруд, сияет мурава...
И дольше день зиждительно-истомный
И светлым зноем пышит синева...

И снова жизнь могуча и нова!
И человек, забыв о грани темной,
Слагает в песню светлые слова,
Чтоб славить жизнь и труд ее поземный...

О, нежный ландыш! Божий василек!
Кто вас таким сиянием облек,
Чтоб усыпить людской души сомненье!..

О, вешний луг! Пошли и мне забвенье,
И, дрогнув тайной радостью в груди,
Ко мне дыханьем силы снизойди!

Весна не помнит осени дождливой...
Опять шумит веселая волна,
С холма на холм взбегая торопливо,
В стоцветной пене, вся озарена...

Здесь лист плетет, там гонит из зерна
Веселый стебель... Звонка, говорлива,
В полях, лесах, раскинулась она...
Весна не знает осени дождливой..

Что ей до бурь, до серого томленья,
До серых дум осенней влажной тьмы,
До белых вихрей пляшущей зимы?!

Среди цветов, средь радостного пенья,
Проворен шаг, щедра ее рука...
О, яркий миг, поверивший в века!

ПЕСНЯ КОЧЕВНИКА.

Вновь — путь-дорога предо мной...
Хозяину поклон земной!
За теплый угол, хлеб и соль,
За тихий сон, унявший боль,
За кроткий свет, радушный кров,
За ласковость прощальных слов, —
За все, чем сладок был ночлег,
За все, чем счастлив человек!
Блуждая скорбно по земле,
В ее степях, пустынях, мгле,
Я возвещу благую весть,
Что где-то сердце было, есть,
Как есть приветливый порог,
Где встретил путника сам Бог, —
И угол — трудною порой —
Поставить посох кочевой,
Что есть радушная скамья —
Сложить всю ношу бытия,
И лживо — Господа винить,
Что негде голову склонить!

Суровая старость тогда наступает,
Когда нас последний порыв покидает,
И скорбно смеркается вечер мечты,
И бледное небо глядит с высоты.

Ворчливая старость приходит с клюкою,
Когда нас к безбольному клонит покою,
Когда мы уж больше не верим, не ждем.
Когда мы о старости песни поем. —

Да, гнусная старость, безволье, безверье,
Когда нас страшит роковое предверье,
Когда мы на свете, кончая свой путь,
Боимся на вечную тайну взглянуть.

Я вечно чувствую: мне здешний мир не нов,
Уже я где-то жил порывом благодатным
В немую тайны даль, изведал грезы зов,
И где-то болен был тоской о безвозвратных,
Запретных снов...
Не нов мне блеск луча, не нов мне сумрак душный,
И ведом мне мучительный простор,
И грома строгого разгул воздушный.

Чтоб билось сердце, нужно жить
Надеждой иль мечтой,
Трудам, опасностям служить,
Бросаться смело в бой, —
Быть радостно-неистовым,
Упорным, как прибой, —

Иначе, сумрачно-грозя,
Безветрие придет,
Где солнцу искриться нельзя,
Где — сон заклятье вод, —
Где жизнь рыдает филином
Средь сумрака болот, —

Иначе сердце в тишине
Поникнет навсегда,
С самим собой наедине.

Потише, верный конь... Нам некуда спешить...
До братьев, до друзей нам все равно далеко...
Давай подумаем, как нам свой век прожить,
Как дотерпеть, промыкаться до срока...

Но в даль плестись должны мы все равно,
Ты волею моей, а сам я поневоле.

В свой стих стальной, как в русло, заключаю
Все тайное теченье гордых дней моих.
Призыву грез я звонкой песней отвечаю.

Широк и важен мой свободный стих.
Сегодня, как родник, а завтра он, как море,
То дышит бурею, а то угрюмо тих.

Как острие меча, как пристальность во взоре,
Иль как опасная упругость в тетиве,
В нем сила жизни — в праздничном узоре.

Моя душа — предвестье о весне,
Я весь — готически-узорчатое зданье,
Воздвигнутое в Божьей синеве.

МАРИИ Б...

Пусть для тебя простор твой будет нов!
Пусть ты, в томленьи жизни караванной,
Изведаешь блаженство вещих снов,
Где светит близь земли обетованной...

С тобою Тот, кто млечный путь возжег!
Кто холодом и вечной вьюгой дышит!
Молись ему под бременем тревог:
Твой вздох, твой вопль тяжелый Он услышит!

Ты жадно пьешь полдневный свет Его...
Пусть смерч Его безропотно ты встретишь
И в пламени алканья своего,
На боль Ему проклятьем не ответишь!

Ты — взмах Его бессонного крыла...
Так знай: когда пустынная тревога
Войдет в тебя, как тягостная мгла, —
Твой трудный стон — сама усталость Бога.

12. 5. 1907.

В вечерней мгле, у берега глухого
Один стою.
Ах, как душе замкнуть в людское слово
Мечту свою!

Пусть даже горько узник прослезится,
Слеза — одна,
Морской простор в волне не отразится,
Ни глубина...

Людская жизнь — мгновенья, годы, сроки,
Счет дней и дней.
В людской мечте раскрыт весь мир широкий,
Вся вечность в ней!

23. 9. 1909 г.

Твой знак пред жизнью — вереск гор.
Из синевы его убор...
Его лазурный, долгий век
Красив в росе, красив сквозь снег...
Пыланье розы, цвет гвоздик
Угрюмо чахнет в серый миг...
А он упорно, дни и дни,
Стократ наряднее в тени —
Зане он в мире знак живой
Того, кто явлен синевой.

30. 8. 1912 г.
Берн.

ПИСЬМО К СЫНУ.

Привет, привет рассветный милому дружку!
Тепло-ль тебе в час утра светит солнце?
И радостно-ль шумит тебе Подкумок,
Лихой гонец от высей вечных льдов?
Пусть нас простор и время разлучили,
Но ты живи без грусти обо мне...
Будь радостен, тянись безбольно к свету,
Из искр его свой каждый день сплетая,
Как стройненький цветущий василек.
Еще пройдет недолгая пора,
И мы опять увидимся. И снова
Нас общий кров отрадно осенит...
Покуда что — будь радостен. Целую.
Молись, как я, за маму. И молись
О том, чтоб ты был силен, благороден,
И был отличен правдой бытия...
Коль видишь ты святую высь Казбека,
Тянись душой к его снегам безмолвным,
Чей кров — лишь звезды, солнце и лазурь!
Шепни ему молитву от меня
И будь с горами в отроческих думах...
Еще раз крепко-крепко руку жму
И с ласкою отцовской обнимаю!

Твой папа.

Утро, 23. 6. 1917 г.

СОДЕРЖАНИЕ «ЛИЛИИ И СЕРП»

Стр.

Стр.

Стр.

СОДЕРЖАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

Стр.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.